

Алексей Гришин

ВЫБОР ОФИЦЕРА

Алексей Гришин
Выбор офицера
Серия «Вторая дорога», книга 1
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42548872
Вторая дорога: Выбор офицера: роман / Алексей Гришин:
АСТ, Ленинград; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-116204-7

Аннотация

Попаданцами бывают:

- юные девушки – они прекрасны, в них влюбляются императоры;
- спецназовцы, они круты и сами становятся императорами;
- молодые менеджеры, никто здесь, там они – ого-го!

А если в магический мир попадает ветеран контрразведки, никогда не бывавший в боях? Теперь он юный наследник богатого феодала, перед которым открыты все пути. Но так ли богат выбор в бешеном водовороте событий и интриг?

И чем поможет опыт, что предстоит узнать, что преодолеть, а от чего отказаться, чтобы заплатить за право пройти свою вторую дорогу?

Содержание

Предисловие	6
Начало	11
Глава I	13
Глава II	27
Глава III	44
Глава IV	56
Глава V	81
Глава VI	100
Глава VII	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Алексей Гришин

Вторая дорога: Выбор офицера

*Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что
внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.*

О. Генри

Серия «Попаданец»

Выпуск 65

ВЫБОР ОФИЦЕРА

© Алексей Гришин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Это произошло чуть больше года назад на традиционной встрече с сослуживцами.

Седые пузатые дядьки под водочку и селедочку вспоминали прожитые годы. Громовой смех и третий тост, дружеские подколки и старые сплетни – все шло как обычно. В этом обществе легко оживают прошедшие приключения, вновь, пусть и на короткое время, чувствуешь себя молодым лейтенантом, который, наконец, дорвался до настоящего дела, не верит в существование непреодолимых преград и готов свернуть горы – только укажите какие.

Когда общий разговор ожидаемо разбился на болтовню нескольких компаний, меня отозвал старый знакомый, с которым мы долгие годы делили один кабинет.

– Леша, а знаешь, как меня недавно разыграли? – спросил он, наполняя рюмки.

Поскольку разыграть этого хитрована на моей памяти не удавалось никому и никогда, естественно, я заинтересовался.

– Ты только представь, три месяца назад мы с женой собрались въезжать в новую квартиру. Точнее, новой она была для нас, мы ее купили у одной одинокой женщины, а свою оставили сыну – тот как раз женился. Перед переездом я, как положено, проверил сантехнику, работу электрики, телефо-

на.

– И что? – признаюсь, мне уже хотелось свернуть разговор, мало ли кто куда въезжает – у нас же налито.

Собеседник понял, предложил выпить за старые времена, а закусив, продолжил:

– Так вот ты представляешь, точно помню, что при выходе я дверь закрывал, и когда через день вошел в квартиру, дверь была закрыта, но на подоконнике в кухне лежала рукопись на ненашем языке. Я в иностранных ни в зуб копытом, но вот заело – кто и зачем тень на плетень наводит. Слушай, ты на пенсии, один хрен бездельничаешь – посмотри, что это и на фига мне это подбросили. – И он передал сверток размером с очень большую книгу.

Поскольку делать мне действительно было нечего, я согласился, пообещав рассказать о первых результатах недели через три.

Утром, вспомнив разговор, решил посмотреть, что же мне вручили. В свертке оказалось несколько... скорее тетрадей, но каких-то странных, даже фактура бумаги была незнакома. Тетради были исписаны чернилами уверенным твердым почерком, причем по-французски. Только язык какой-то странный, хотя в общем понятный. Примерно так же я в свое время воспринимал белорусский – вроде бы и близко к русскому, и слова знакомые, но чтобы понять – надо постоянно вчитываться, искать аналогии, что с непривычки здорово утомляет.

Возиться с таким текстом было откровенно лень, но поскольку обещал – надо что-то делать. Я позвонил знакомому криминалисту и попросил посмотреть кусок бумаги с надписью и сказать о нем что-нибудь умное. Результат договорились обсудить в пивной, где можно выпить настоящий «Гиннес».

Через пару недель после получения образца – куска бумаги с текстом, оторванного от последней страницы, криминалист сообщил, что результаты интересные, но говорить о них насухую будет нарушением традиций, потому ждет меня в условленном месте уже сегодня.

В баре после пары общих фраз он перешел к делу.

– Леша, ты где это откопал?

– Ты не поверишь – нашел, а что, это серьезный антиквариат?

– Нет, не надейся. Но штука действительно интересная, – он приложился к кружке, смакуя пиво и, по-моему, издеваясь надо мной. – Значит, слушай. Бумага и чернила сделаны сравнительно недавно, может полгода назад, не дольше.

– Ну и что тут интересного? Тоже мне, великий эксперт Кибрит. Я тебя всегда рад видеть, но чего торопить-то было?

– Леша, ты не дослушал. Сделано все действительно недавно, но по четким средневековым рецептам. Моя оценка – шестнадцатый – семнадцатый век, Европа. И никакой попытки искусственного старения! Ты где такого фальсификатора нашел? Недавно у меня на экспертизе были якобы ан-

тикварные бумаги, сделанные группой мошенников, так их два доктора наук консультировали, но все равно идентичности не получилось, а вот искусственное старение – было. А у тебя, если это состарить, точно никто подделки не увидит, гарантирую.

На следующий день я позвонил сослуживцу, чтобы отчитаться о результатах и заодно поинтересоваться продавщицей квартиры – должна же она знать изготовителя этого труда?

Трубку подняла жена и сухим голосом сообщила, что сослуживца я смогу увидеть через два дня на Пехотной улице в шестиграннике. Есть в Москве такое место, где чекисты последний раз встречаются – траурный зал нашего госпиталя.

На поминках рассказал вдове о тетрадях. Она ответила, что ее это не интересует и ими можно распорядиться по моему усмотрению.

От пенсионерского безделья я начал переводить рукопись и незаметно увлекся. Конечно, разумный человек не может воспринимать написанное всерьез. Так, чья-то игра ума. Тем более что даже в переводе рукопись выглядела как набор официальных рапортов и справок, изредка разбавленных размышлениями автора.

Однако в какой-то момент я попробовал представить себя в схожих обстоятельствах. Поступил бы я так же? Вряд ли, но точно знаю людей, которые могли действовать и думать именно так.

Поэтому позволил себе дописать за автора диалоги, смягчить официозный стиль рукописи, привести к нашим единицы измерения, названия месяцев. И предложить вашему вниманию получившийся роман, в котором, конечно, не отразился век, но современный человек изображен довольно верно. Как я надеюсь.

Начало

Боль...

Боль который день. Она стала привычной. Жена добра и предупредительна, только не смотрит в глаза. Мы вместе тридцать лет – я не могу не видеть следы слез. Дочки заходят в комнату, что-то увлеченно говорят, я улыбаюсь мудро и доброжелательно. Надеюсь.

Все ясно. Как было ясно папе в той онкологической клинике. Я понял его тогда. Мои близкие, конечно, не глупее. Они тоже знают, что это конец. Только вряд ли они поверят, что страха нет, а есть спокойствие, даже умиротворенность. Это неожиданно – боль и спокойствие одновременно.

Хотя... В самом деле, прожил долго, хотя и не очень. Не свято, но честь офицера спокоина. Олигархом не стал, но жильем жену и детей обеспечил. В общем, не зря приходил в этот мир.

А что – счастье было, горе было, дело... дело тоже было. Серьезное, мужское, на пределе всех сил и способностей, что подарила тебе природа. Мы не рисковали своими жизнями, хотя не раз приходилось посылать на смертельный риск других. Тех, кто не был нам ничем обязан – просто верил нашим словам, верил нашему делу. Ни в меня, ни в моих друзей никогда не стреляли, но почему тогда почти никто из нас не перешагнул шестидесятилетний рубеж? Что же, если такова

плата за счастье делать настоящее дело – мы согласны.

Интересно, если бы в тот осенний день, когда молодого ученого пригласили в отдел кадров и интеллигентный мужчина в сером костюме предложил круто поменять судьбу... если бы тогда он рассказал об этой цене, отказался бы я? Не думаю, скорее сказал бы то же – спасибо.

Тем более что мне как раз и грех жаловаться – шестидесятилетний юбилей был месяц назад, а значит, я все же попал в число счастливчиков.

Жаль – ненадолго. Боль... Что-то разорвалось в сердце... Пора?! Господи, прими душу раба твоего! Боже, как же я жизнь люблю!.. Вспышка!!!

Глава I

Не понял. Откуда вонь? Такого даже в уличных сортирах не бывает. И я все еще жив, а боль ушла. Господи, как хорошо. Хрен с ней с вонью, зато можно поспать... Кажется, лежу на каменном полу – очень мягко и удобно.

Снилась домашняя суета – старшая дочь опять собралась замуж, хотя вроде она еще не разводилась?

Проснулся от бьющего в глаза света. Странно, человек, который однозначно умер, оказывается в мрачной комнате с узким незастекленным окном, более всего похожим на бойницу средневекового замка. Это что – чистилище такое? Или сразу ад?

Пол, стены, низкий сводчатый потолок сложены из крупных, едва обработанных серых камней. Из стен и из потолка торчат какие-то ржавые крючья, скобы, петли. Дверь сколочена из грубо струганных досок, почерневших от времени. Пол с уклоном к центру комнаты и в сторону внешней стены, образует желоб, ведущий к отверстию, куда, видимо, должны стекать экскременты. Ключевое слово – должны, потому что не очень к этому стремятся. Отсюда и вонь до головокружения.

И я за ногу к стене прикован! Мать твою... Я же на этой привязи ни до окна, ни до двери добраться не могу.

Только до огромной деревянной кровати, что стоит на-

против окна. Высокой, где-то метр от пола, с колоннами и коробом для балдахина. Правда, самого балдахина нет. Деревянные детали покрыты изящной резьбой, отполированы и покрыты лаком. А вместо матраса – тюфяк, набитый сеном, и запах от него...

И до стола. Монументального, сколоченного из толстых досок. Попробовал поднять – бесполезно, его сюда явно богатыри заносили. И никакой другой мебели.

На столе – миска с чем-то жидким. Проверять содержимое нет ни малейшего желания. Рядом кувшин, явно с вином. Рискнул попробовать – а ничего так, весьма.

А ведь и миска, и кувшин – серебряные! Я, конечно, не эксперт, но похоже, очень похоже.

Ничего себе микс. Гибрид выгребной ямы, музея средневековья и... пожалуй, скотобойни? Иначе зачем этот желоб и крючья?

Может, я спятил? Возможно, причем в буйном варианте. В самом деле, что это за дикость – живого человека на цепь сажать, где права пациента! С другой стороны, сюда никто из правозащитников не торопится. Сюда вообще никто не торопится – я проверял. Звал, матерился – без толку.

Или у меня галлюцинация? Интересная такая галлюцинация, приправленная доносящимися из окна криками на, похоже, французском языке.

И еще это поразительное спокойствие! Жизненный опыт подсказывает, что я должен орать отнюдь не благим матом и,

наверное, биться об стену, а не анализом своего бреда заниматься. Понял! Эскулапы этой психушки меня аминазином¹ под макушку закачали, а галоперидола² пожадничали, скряги. Поэтому психоза нет, а бред есть. Красочный такой бред, данный мне в самых разнообразных ощущениях.

Что же, на радость психиатрам продолжим исследование, может, потом кто в диссертации использует. Итак, первый симптом – тело явно не мое. Кожа гладкая, пресс прокачан, щетины на лице не чувствую. Руки и ноги крепкие, суставы не болят.

Далее, на нас длинная рубаха, именно рубаха, из грубой холстины. Ни ремня, ни веревки, ни тем более нижнего белья и носков. И, кажется, я эту рубаху того, этого, не успел поднять вовремя. Воистину тяжек труд санитара.

В общем, вывод один – я жив, ибо *Cogito, ergo sum*³, как говаривал старина Декарт. Что не может не радовать. Однако где я, что со мной и почему я, собственно, *sum*, понять пока невозможно. А значит, надо держать себя в руках и ждать дополнительной информации. Хотя держать себя в руках в такой ситуации и при таком амбре – задача для упертого йо-

¹ Аминазин – психотропный препарат, обладающий успокаивающим действием.

² Галоперидол – психотропный препарат, обладающий антигаллюциногенным действием.

³ *Cogito, ergo sum* – Мыслю, следовательно существую, – философское утверждение Рене Декарта, фундаментальный элемент западного рационализма Нового времени.

га.

Что же, попробуем ему уподобиться – садимся в позу лотоса и изображаем медитацию. О! Я смог это сделать без труда! Так, энтузиазм ожидания растет. Правда, терпение кончается, но кого это волнует?

Примерно через час, если судить по солнцу, дверь открылась и здоровенный мужик, одетый как средневековый крестьянин на старинных картинах, заменил миску. При этом смотрел на меня как кролик на удава, даже миску оставил на самом краю стола, так что мне до нее едва-едва дотянуться можно. Чем это я бедолагу так напугал, а главное – когда? А ведь его кулаками можно быков валить. Однако все страньше и страньше.

Ближе к вечеру, когда нетерпение стало перерастать в панику, а голод и жажда напрочь убили брезгливость и обоняние, дверь отворилась. Именно отворилась, медленно и торжественно, а в мое узилище вошел вельможа, лет сорока, похожий на героев пьес Лопе де Вега⁴. Светло-оранжевый, богато украшенный вышивкой короткий дублет⁵, разрезные рукава, сквозь которые проглядывает белоснежная рубашка, широкий кружевной воротник и кружевные манжеты, темно-коричневые штаны и светлые узкие сапоги, доходящие до

⁴ *Лопе де Вега* – испанский драматург, поэт и прозаик, 1562–1635. Наиболее известные в России пьесы – «Учитель танцев», «Собака на сене».

⁵ *Дублет* – мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе в XIV–XVII веках. Это был первый образец одежды, который плотно сидел на теле. Первые дублеты были до середины бедра, позже они стали укорачиваться.

колен. Образ придворного вельможи дополняли темно-русые коротко постриженные волосы, тонкие усы и едва обозначенная борода. А взгляд, а осанка – за его спиной чувствовались многие поколения великих предков. Он даже не вошел – вошествовал! И тут же выскочил как ошпаренный, крича и зажимая нос.

Вторая попытка захода была уже осторожной и, видимо, оттого удачной. Вельможа аккуратно закрыл дверь, прикрыл нос платком и внимательно посмотрел на меня. Между нами возникло облачко желтого прозрачного тумана. Ни запаха, ни тепла, ни холода – ничего от него не исходило. Хотя определить здесь запах...

– Здравствуйте, – обратился он. Точнее, его слова возникли у меня в голове, вслух же не было произнесено ни звука. Так, галлюцинации нарастают, срочно нужны санитары! А с другой стороны, любопытно, чем этот глюк кончится – раньше никогда с ума не сходил – какой интересный опыт.

А в голове опять зазвучало:

– Судя по вашему виду, вы впервые столкнулись с мыслеречью. Но вы понимаете меня? Если да – кивните.

Ну что делать – кивнул, жалко что ли.

– Хорошо, тогда продолжим. Если хотите что-то сказать – скажите мысленно или вслух на родном языке – я пойму.

– Не сказать, а спросить. Где я, кто вы и что вообще здесь происходит? Согласитесь – вопросы естественные.

– Разумеется, и я постараюсь на них подробно ответить.

Только давайте договоримся, вы выслушаете меня спокойно, по возможности без эмоций и резких движений.

– Отсутствие эмоций гарантировать не могу. Зато насчет резких движений можете не волноваться – на такой цепи только лаять можно. И то осторожно, чтобы не побили.

– О цепи поговорим потом – вначале о главном. Вы сейчас в другом мире, отныне и навсегда.

А вот после этих слов мне стало плохо. Очень плохо. Красивый, однако, выбор между сумасшествием, хорошим таким, уверенным, и тем, что я «услышал».

На автомате подошел к столу и от души приложился к кувшину. Вино вернуло способность думать. Ну, или галлюцинировать – потом разберусь в терминах. В любом случае сейчас нужна информация.

– Какой другой мир? Другая галактика? Вселенная? Бред! Объясните!

– Но для того чтобы я смог объяснить произошедшее понятными для вас образами, прошу вспомнить о ваших представлениях о мире и мироздании.

– А разве вы не читаете мысли?

Вельможа грустно усмехнулся:

– Увы, только те, которые вы сами желаете до меня донести и ясно формулируете. Но даже это забирает массу сил, потом их придется долго восстанавливать. Так что, если не хотите просидеть здесь еще дней десять-пятнадцать, постарайтесь мыслить максимально четко, кратко и информатив-

но.

– Мироздание, максимально, информативно – какие интересные слова. Вы философ, астроном или все же психиатр?

– Я тот, кто пытается вам помочь. Только последнее уже я не понял. Мы с вами сейчас воспринимаем не слова друг друга, а образы, которые уже сами одеваем в понятную нам речь. Я не знаю, какими словами ваше сознание определяет мои мысли. Поэтому не отвлекайтесь, делайте то, что вам говорят.

Легко ему «сказать». Ну вот как можно ясно и кратко сформулировать теорию мироздания, причем экспромтом? С другой стороны – придется, тем более что обстановка весьма способствует и пробуждает энтузиазм.

Желание поскорее покинуть это узилище, по-видимому, родило во мне талант астронома-популяризатора. Представил себе земной шар, Луну, Солнечную систему, в общих чертах Вселенную, оперируя остатками знаний, полученных в школе и институте.

Мне было видно, как явно сгущается туман между нами, а собеседник заметно устает. Надеюсь, остановиться удалось вовремя.

– Да, тяжелая это работа, – мысленно произнес вельможа. Туман вновь стал прозрачным.

– Извините, а вот такая беседа, как сейчас, много сил у вас занимает?

– Нет, только восприятие образов, а беседовать я могу долго, но вот находиться в ваших хоромах – нет. Так что просто слушайте. Как я понял, ваши ученые рассматривают Вселенную как бесконечное непрерывное трехмерное пространство. Возможно, это и близко к реальности, но предупреждаю на будущее: никогда, ни при каких обстоятельствах, никому не рассказывайте то, что показали мне. Был тут один, утверждал, что материальный мир бесконечен. Сожгли его, – вельможа скривился, видимо вспомнил эту процедуру, – но вот то, что наш мир не единственный, мы знаем. Более того, не единственный, где обитают люди.

Совсем беда. Если он сейчас скажет, что их космические корабли запросто бороздят просторы Вселенной, разговор надо заканчивать. Есть вещи, которых не может быть, потому что не может быть никогда. Это я твердо знаю – учился, блин.

Однако мой визави продолжил:

– Я вижу, вы мне не верите. А знаете, в чем главное отличие наших миров? В нашем имеется такое явление – магия.

– Магия?! У нас это слово обозначает выдуманную отдельными фантазерами способность людей изменять материальный мир без материального воздействия, как они представляют – силой мысли. Никаких доказательств ее существования никогда не поступало. Ну, кроме свидетельств о божественных деяниях, но это, видимо, тема другого разговора.

– Действительно, оставим богов в стороне, поговорим о реальности. Вот прямо сейчас мы разговариваем. Мы понимаем друг друга, не произнося звуков.

– Это меня и пугает. Слишком похоже на сумасшествие.

– Возможно, но попробуйте допустить, что вы здоровы. Хуже от этого точно не будет.

– Ладно, примем как гипотезу. Тогда – что такое магия и, все же, главное – что со мной и где я?! – Черт возьми, послать бы его по всем матерям – вот полегчало бы! Жаль, не поймет. Или поймет, не дай бог...

А вельможа вежлив безукоризненно. Издевается, гад.

– О природе магии мы и сами ничего не знаем. Однако некоторые люди могут видеть ее проявления и заставлять ее работать. Как вы говорите – воздействовать на материальный мир. Вы, кстати, ничего странного не наблюдаете?

– Ну, вижу как будто желтое облако между нами.

– Отлично, заклинание сработало как надо! Но об этом потом – сейчас о вас, – вельможа с энтузиазмом потер руки. – Те люди, которые могут работать с магией, а я, как вы понимаете, тоже к ним отношусь, составляют элиту нашего общества и имеют преимущественные права перед другими людьми. Один из нас – барон де Безье, владелец этого замка и прилегающих земель.

– Замок – это хорошо, я думал – больница для умалишенных или, на худой конец, тюрьма.

– Можем поменять, если будете перебивать. Итак, у баро-

на жена, два сына и две дочери. Старший – наследник, надежда и опора, недавно получил тяжелую травму головы, повредился умом и вчера должен был умереть. В принципе, на правах друга семьи, скажу, что скотина он был преизрядная, ну да подробности вы еще узнаете. Однако именно таких почему-то безумно любят матери. Дошло до того, что баронесса буквально сама оказалась на пороге смерти. Кончина сына, скорее всего, свела бы в могилу и ее. Вот, собственно, и причина, по которой я, по просьбе барона, провел ритуал Замены личности. В момент смерти сына я вызвал из параллельного мира душу другого умирающего, как оказалось, вашу, и вселил ее в тело юного барона.

– Вы Бог?

– Не богохульствуйте, – даже в мысленном «голосе» собеседника прозвучало раздражение – ритуал Замены – сложная, но реальная медицинская операция, не имеющая ничего общего с божественным провидением.

– Но если этот сын был безумен – значит, и я сумасшедший! Какие бы души ни менялись – поврежденные нейроны мозга остались поврежденными. Я просто физически не смог бы думать.

– Повреждены что?

– Нейроны, клетки, из которых состоит мозг.

– Мозг состоит из клеток? Хм... Никогда не слышал. Надо будет этим заняться – возможно, вы и правы. Потому что при Замене вначале излечивается тело. Излечивается полностью.

Только потом исчезает личность.

– Что?! Парень излечился?! А потом умер, находясь в сознании и понимая, что происходит?! – Господи, что же он пережил! Наверное, то же, что и пассажиры падающего лайнера – понимание неизбежности конца и абсолютное бессилие. Не дай бог такого!

– Он был в полном сознании. Он понял, что происходит, и принял свою судьбу как мужчина – только со мной попрощался, если вас интересуют подробности. Начавшийся ритуал Замены не может быть ни прерван, ни отменен. Да, еще передал привет вам.

– Мне?

– Точнее, он попросил того, кто его заменит, прожить хорошую жизнь. За него.

– И это скотина преизрядная?! Я правильно понял?

– Да, именно так. Умирал другим человеком, только ритуал уже был запущен. Я ничего не мог изменить. Хотите поёрничать?

– Нет. Хочу понять его отца. Знать, что твой ребенок не просто умрет, а умрет в полном сознании, как приговоренный... Как он решился на такое? Как вообще человек может на это решиться? Он вообще – человек?

– Человек, уверяю вас. Просто о сути Замены личности мало кто знает. Только те, кто умеет с этим закланием работать. Барон и сейчас не узнал – все время ритуала мы были с Жаном вдвоем. Этот грех я полностью принял на себя. Те-

перь вот и с вами разделил. Вы хотите, чтобы все это оказалось напрасным? Если нет – я продолжу.

– Извините, я вас внимательно слушаю.

– Тогда продолжаю. Одним из граничных условий вызова была способность к магии – именно поэтому вы видите стоящий между нами туман. Так у вас визуализируется магическая составляющая нашей беседы. (Круто завернул! Это он так «сказал» или я так «услышал»?) Кроме этого, требовалась психологическая гибкость, устойчивость и способность к адаптации при радикальном изменении обстановки. Раз вы до сих пор не свихнулись, беседуете со мной и даже пытались язвить, значит и с этим у вас неплохо. Еще одним требованием было непреложное следование законам чести и развитое чувство благодарности. К сожалению, соблюдение этих условий мы сейчас проверить не можем – остается только надеяться, что и здесь я ничего не напутал.

Да, если бы я под этот портрет подходил, с меня бы иконы писали. Интересно, он сам таких встречал? Но перебивать больше не буду, а то застряну в этих апартаментах еще на пару недель, если вообще не навсегда. Не хочу.

– Далее, – с видом профессора на университетской лекции продолжил вельможа, – ритуал Замены не является преступлением, просто потому что проводился последний раз лет сто назад – слишком сложен, опасен и, соответственно, дорог. Запрет просто забыли наложить. Да и не особо он нужен – желающих и так нет. О главном я вам рассказал. Кроме

того, никогда не знаешь, кто придет на вызов. Бывали, знаете ли, случаи, когда вместо порядочных людей получали таких мерзавцев и смутьянов, что ими до сих пор детей пугают. Например, последний призванный попытался вырезать свою новую семью – захотелось ему стать единственным наследником. Слава богу, вовремя остановили. Поэтому, хотя формального запрета нет, но Замена властью и церковью сильно не приветствуется и в наших общих интересах сохранить произошедшее в тайне. Кстати, и призванного и вызвавшего мага сожгли заживо, так сказать в назидание. Заказчика не тронули – его этот путешественник по мирам убил первым. Так что без обид, но если в дурь попрете – костер вам раем покажется. Поверьте, я умею, мне положено.

С этими словами господин взялся за ручку двери, и, уходя, добавил:

– Ну вот пока и все. Обдумайте то, что я сказал, а завтра продолжим наш разговор.

– Эй, подождите, а что-то можно сделать с обстановкой – хотя бы грязь убрать и снять цепь?!

– Три дня назад юный барон убил убиравшегося здесь слугу. Других добровольцев пока не нашли.

– А какой сейчас год и в какой мы стране?

– 1615 от Рождества Спасителя, а страна – Галлия, которой правят юный король Эдмонд IV и регентствующая до его совершеннолетия королева-мать Екатерина, – «сказал» вельможа и вышел за дверь. Я услышал звук запирающегося

замка.

Глава II

М-да... Подумать действительно было о чем.

Если это все же не бред, а я не желаю, чтобы это был бред, то в своем мире я умер. Окончательно и бесповоротно. Однако эту мысль надо не только сформулировать, но и принять. А вот с этим плохо. Как можно представить, что никогда не увидишь жену, дочерей? Потерять их сразу, навсегда. Господи, дай нам встретиться хотя бы в снах!

Мысли путались, признание случившегося и одновременно недоверие к собственному сознанию смешались в совершенно безумный клубок. Горе потерь и счастье жизни, надежда и безнадежность, все сразу. Я перестал ощущать себя, время. Лишь отстраненно отмечал, как за окном сгустились сумерки, наступила ночь.

Однако так распускаться недопустимо! В конце концов, из меня когда-то готовили ученого. Не получилось, но какие-то знания остались! Так что попробуем осознать и исследовать ситуацию.

Для начала примем рабочую гипотезу. Предполагать, что я спятил, неинтересно, с этим всегда успеется. Значит, будем считать, что я действительно в другом мире. Тогда раскисать нельзя никак. Тем более что мои близкие в любом случае сейчас живы и здоровы.

А вот мне, если гипотеза верна, выпал невероятный,

безумный шанс прожить еще одну жизнь. Долгую или короткую, счастливую или несчастную, но ЖИЗНЬ! А такой подарок заслуживает только благодарности, какой бы ни была цена. Впрочем, в рамках той же гипотезы, цена определена. Жизнь несчастного мальчишки. И его пожелание... нет, требование, приказ.

Прожить хорошую жизнь. Что он имел в виду? Веселую, полную удовольствий? Не думаю. Тогда что? Боюсь, отвечать на этот вопрос я буду до конца этой новой жизни. Потому что когда мы встретимся там, наверху, мне придется отчитаться. И у меня должны быть аргументы.

А чтобы они были, надо войти в этот мир. И, для начала, узнать хотя бы свой возраст. Судя по ощущениям и отсутствию щетины на лице, мне лет тринадцать – четырнадцать.

Дальше, какие у де Безье планы, как он их собирается реализовать и как к ним относиться? Ведь не мог же барон заварить такую кашу, не имея вообще никакого плана?

Ну и, в конце концов, надо просто дождаться следующего визита этого мага. Кстати, а кто он? По крайней мере, его заявление об умении и обязанности делать бо-бо как-то напругло – он что – палач? Нет, я-то ему все равно благодарен, но базар надо фильтровать тщательно, а то применит сгоряча какой-нибудь круциатус, или как там у Волан-де-Морта? Так что сидим тихо, как мышь под веником, и ждем развития сюжета.

А чтобы дожить до волнующей встречи, надо бы подкре-

питься и не сблевать – что там в миске? Оказалось, молоко и хлеб, правда, изрядно размокший. Ну да чай не графья. Бароны. Обалдеть!

А что известно о баронах семнадцатого века? В Европе – низшая ступень титулованной аристократии, владеющая тем не менее собственными землями. Помнится, Портос мечтал стать бароном, иметь карету с гербом. И во исполнение этой мечты кучу народа поубивал. А мне все это приплыло в руки задаром, а где бывает бесплатный сыр? То-то.

Хм, а ведь Безье – это что-то знакомое, кажется, есть такой городишко и в нашем мире, где-то я о нем читал. Ну да ладно, потом вспомню.

После таких размышлений я уснул. Спасибо молодому организму – все-таки юность неприхотлива.

Утром в камеру вошли вельможа-маг и мужчина также лет сорока, черноволосый, с серебром на висках. Маленькая испанская бородка, какие носили во времена позднего Возрождения, придавала ему вид не столько величественный, сколько театральный. Эдакий классический дворянин из спектакля или даже оперетты. Одет примерно как и маг, но предпочитает скромные черно-коричневые тона. Видимо, это и был мой новый отец – барон де Безье.

Выглядел он, мягко говоря, не бодро. Лицо осунувшееся, круги под глазами, явно провел не одну бессонную ночь. В глазах настоящий страх, и, пожалуй, страх естественный. Вот как можно заговорить с сыном, зная, что на самом деле

это совершенно другой, незнакомый тебе человек? Действительно страшно.

Маг создал между нами уже знакомое желтое облако и демонстративно отошел в сторону.

Я ограничился вежливым кивком головы. В такой ситуации чем меньше говоришь и действуешь – тем легче собеседнику. А допустить его до нервного срыва нельзя – второго разговора может и не быть.

После длительной паузы я «услышал»:

– Кто ты?

Интересно, и как я должен отвечать? Но надо быть вежливым и очень пушистым. Во избежание.

– Что вас интересует? Мое имя, моя профессия, моя семья?

– Титул и профессия.

Интересно, и что я должен ответить? Здесь физик может означать колдун, а чекист – вообще неизвестно что. Пожалуй, лучше опустить подробности.

– Титулы у нас не приняты, имел воинское звание – полковник. Профессия – полицейский.

При последнем слове лицо барона скривилось.

– Полицейские, – «сказал», как выплюнул, – не имеют званий, как и не имеют чести.

– В той полиции, где служил я, они имели именно воинские звания и воинские же понятия офицерской чести. Полиция – она разной бывает. И отношение к ней – разным.

— Ладно, в полковники чернь не выходит, — ворчливо «сказал» де Безье. — Что собираетесь делать здесь?

Оп-па, приплыли. Он что, действительно ни о чем не думал, когда на ритуал соглашался? Я что теперь, должен объяснять ему, какой он идиот? Притащить в свой дом незнакомого человека, не зная заранее, что с ним здесь делать — это как называется?

Впрочем, маг говорил, что у барона жена была при смерти — может, поэтому у него крышу снесло? Попробуем танцевать от этой печки.

— Как здоровье вашей супруги?

У де Безье потеплел взгляд.

— Слава богу, лучше. Когда ей сказали, что сын... — он явно споткнулся на этом слове, — будет жить, она заснула впервые за неделю.

— Знаете, барон, я так понял, что своей жизнью я обязан именно баронессе. Просто иначе вы никогда бы не пошли на ритуал Замены. Так?

— Да.

— Поэтому предлагаю считать главной задачей на сегодня ее скорейшее выздоровление, остальные вопросы полагать второстепенными. Их мы сможем обсудить позже, когда хоть немного друг к другу привыкнем. Я сам отец, представляю, как тяжело вам. Поверьте, мне ненамного легче. Поэтому давайте сейчас сосредоточимся на помощи баронессе.

В лице барона появилась заинтересованность. Это уже хо-

рошо, но теперь надо перед ним четко сформулировать цель и обозначить пути ее достижения. Тогда о наших отношениях он и думать будет меньше. Главное, чтобы он воспринял меня как партнера, в идеале – соратника. Это, пожалуй, единственная возможность выстроить отношения, перестать быть даже не бельмом в глазу, а вечным упреком, от которого любому нормальному человеку так хочется избавиться.

– Для начала, господа, я приношу извинения, если в разговоре с вами нарушаю этикет. Например, я даже не знаю, как правильно обращаться – барон или господин барон и можно ли ограничиваться титулом.

Затем повернулся к магу.

– А как следует обращаться к вам? К сожалению, вчера я не догадался задать этот вопрос – был слишком растерян.

Тот ободряюще улыбнулся. А хорошая у него улыбка, открытая.

– Ничего страшного, я могу представить ваше состояние тогда, да, наверное, и сейчас. Позвольте представить – виконт Транкавель, личный врач регентствующей королевы-матери Екатерины. Можете обращаться «господин виконт». Кстати, и обращение «господин барон» будет предпочтительней.

– Что ж, господа, я так понял, что своего плана разрешения создавшейся ситуации вы пока не имеете – я прав?

– У нас просто не было времени на его составление – все надо было делать очень быстро, – явно смутившись, ответил

виконт. Ага, некогда – да я здесь уже два дня нахожусь. Все можно было обдумать при желании, а вот с ним-то, вероятно, и проблемы, с желанием. Один и так сотворил почти запрещенный ритуал и дополнительной ответственности брать на себя явно не желает. Другой же не отошел от шока и, следовательно, найти более-менее реальное решение попросту не в состоянии.

Ну что же, уважаемые феодалы, попробую предложить вам свой опыт. Делаем задумчивое лицо, берем мхатовскую паузу и...

– В любом случае, господа, мы все заинтересованы в том, чтобы не только баронесса, но и окружающие не заметили произошедшей Замены. Тогда прошу рассказать подробнее, что на самом деле произошло и почему мы разговариваем здесь? – я рукой указал на окружающую обстановку.

Ответил мне Транкавель.

– Юный барон получил тяжелое сотрясение мозга после падения с лошади. Сутки находился без сознания, затем очнулся, но вот с сознанием... Простите, барон, но я действительно должен ему это рассказать. Юноша потерял рассудок. Он даже говорить перестал, рычал, как зверь. Вы помните, я сказал, что он убил слугу? Так вот, он перегрыз ему горло! Перестал пользоваться туалетом, ну это вы и сами видите. Семья не могла позволить, чтобы об этом стало известно, пришлось перевести его сюда.

– А почему сюда? Что это за комната?

– Сами не догадались, полицейский? Это пыточная.

– Какая богатая пыточная! Бедолаг что, на полированном столе разделявают? Или на этом тюфяке к кровати привязывают? Лично я от его вони уже готов во всем признаться.

– Это вы сейчас пошутили? – великолепно заломив бровь, спросил виконт.

– Извините, нервы.

– Не понял? Наверное, естественное волнение? Тогда ладно, тогда продолжим. Юного барона поселили здесь потому, что это единственная комната, где есть такой желоб, – он указал на пол, – по которому можно хоть как-то поддерживать хоть какую-то чистоту. И обезопасить его здесь было проще, есть к чему-нибудь приковать. Слугам сказали, что барон болен и в этой комнате его легче лечить.

Так, исходная диспозиция понятна.

– И давно вы начали его лечить?

– Я только позавчера приехал, осмотрел пациента и сразу провел ритуал Замены – ждать было невозможно.

– Господин виконт, что вы сказали баронессе о его состоянии?

– Только то, что Жан будет жить, а остальное в руках Божьих.

Что же, тут особой фантазии не требуется, можно вывернуться.

– Скажите, а приходилось ли вам сталкиваться со случаями полной потери памяти и ее последующего восстановле-

ния?

– Потеря памяти при травмах, даже полная, явление не столь редкое, но вот полное восстановление... Я о таком не слышал. Впрочем, здесь как повезет – теоретически все возможно. Однако, идея мне нравится – не вызовет у баронессы вопросов, подарит надежду! А по мере исполнения надежды, она будет поправляться, – Транкавеля явно охватил энтузиазм. – Как, барон, согласны? И семейные тайны наружу не выйдут, и для вашей жены это реальная возможность выздоровления.

– Надеюсь, что вы правы, виконт. Я, безусловно, доверяю вашему опыту и знаниям, я надеюсь, что этот полицейский сумеет вывернуться, но ведь главное – чтобы она поверила. Вот я-то теперь что должен делать?

– Делать будем вместе. Сейчас мы с вами идем к баронессе и сообщаем, что ее старший сын, к сожалению, потерял память. Вплоть до того, что разучился говорить. К счастью, этот недуг мне знаком, как его лечить я знаю. Кроме того, юный барон перестал быть опасным и его можно положить на нормальную кровать в нормальном помещении. А вы, юноша – да-да, привыкайте, полковник, молодой человек Жан Огюст барон де Безье четырнадцати лет от роду, вы должны сыграть полную потерю памяти. И сделать это лучше ведущих актеров королевского театра Галлии – сможете?

– Обязан, куда деваться. Только позвольте две просьбы. Во-первых, мне необходимо помыться, поскольку терпеть

последствия этого, – я показал рукой на обстановку в камере – выше моих сил. Во-вторых, вероятно, баронесса захочет меня увидеть. Господин барон, я прошу, чтобы вы при этом держали ее за руку, я ни в коем случае не должен ошибиться. Кстати, как правильно сын обращается к матери? Случаем не «тапан»? – слово я произнес вслух.

В ответ виконт также вслух задал какой-то вопрос. Понять бы еще какой...

– Увы, – это я уже мысленно, – на сегодня «тапан» – предел моих возможностей.

– Что ж, это ваши трудности и вам придется их преодолеть. Да, и «тапан» будет правильно, – сказал Транкавель, явно заканчивая разговор.

– Последний вопрос – в какой местности находится Безье?

– В Окситании, – ответил виконт, после чего убрал стоявший между нами желтый туман и они с бароном вышли из камеры.

Вспомнил! Я читал о Безье. В моем мире это юг Франции, провинция Лангедок. Город был разрушен крестоносцами в самом начале крестового похода против альбигойской ереси. Были убиты тысячи жителей, кровь лилась рекой. Но в книге упоминалось виконтство Безье, которое впоследствии перешло под власть короны. А здесь, значит, бароны де Безье? В общем, вопросов море, но сейчас не до них. Делаем благостное лицо идиота, садимся на пол, где почище, и ждем санитаров.

Через какое-то время в камеру вошли трое верзил, явно перебарывая свой страх. Двое крепко взяли меня под руки, а третий, видимо кузнец, снял цепь. Затем отвели во двор, раздели и засунули в бочку с теплой водой. Слава богу, смог потерять себя руками – хоть как-то смыть грязь и вонь.

После купания меня одели в белоснежные штаны и рубашку, отвели наверх в небольшую, но светлую комнату с незастекленными окнами и уложили в широкую кровать, застеленную чистым бельем. Красота! По-моему, я сразу уснул.

Проснулся от того, что в комнату вошли. К счастью, хватило выдержки не сразу открыть глаза. Взял себя в руки, вспомнил ситуацию, сделал наивно-глупое лицо и только потом взглянул на вошедших. У кровати стояли барон и бледная осунувшаяся женщина, которую он держал за руку. Ясно – мама. Улыбаюсь.

– Мaman?

Счастливое «АХ!», обморок, занавес! Баронессу уносят, барон уходит, даже не взглянув в мою сторону.

Разговор, которого Жан не слышал

Вечером в гостиной донжона за большим кувшином вина сидели барон де Безье и виконт Транкавель. К вину прилагался огромный кусок вареной телятины, жаркое из голубей и три чашки с различными соусами. Следуя строгим требо-

ваниям утонченного этикета, знатные господа лихо отрезали куски мяса и птицы своими кинжалами, руками макали их в понравившийся соус и отправляли в рот. Никто из них ни разу не схватился за мясо двумя руками, что свидетельствовало о высокой культуре участников трапезы.

Июньское солнце еще не зашло за горизонт, мягкий свет, заполнивший комнату, располагал к мирной, спокойной беседе.

– В интересную историю вы умудрились меня втравить, дорогой барон! Я с уважением отношусь к вашей супруге и заплаченным вами деньгам, но что мы будем делать дальше? Когда я соглашался на эту авантюру, да, мой друг, именно авантюру, я представить себе не мог, что вы даже не пытались составить какой-либо план на будущее!

– Шарль, ради нашей дружбы, прекрати выкать. Я и так чувствую себя идиотом. Ну да, туго у меня было с головой. Но ты сам представь – у меня одновременно умирали Жан и жена. Каким бы мерзавцем ни был Жан – но он же мой сын, наследник. Сколько сил я потратил, пытаюсь сделать из него дворянина и будущего главу семьи. Да, он постоянно издевался над братом и сестрами, мог без повода избить любого встречного человека, о его необузданной страсти к женщинам и даже мальчикам мне рассказывали совершенно отвратительные вещи, которые и повторять-то противно. Но ведь он был моим сыном! А баронесса в нем вообще души не чаяла, никаким рассказам о его художествах не верила.

Барон безнадежно махнул рукой, залпом допил вино из своего кубка и продолжил:

– А знаешь, отец Гюстав рассказал мне буквально за день до трагического случая, что принял исповедь сына, которая, вероятно, впервые была искренней и горячей. Жан на Библии поклялся впредь жить по заповедям Божиим и законам рыцарства. Вроде как явился к нему сам дьявол и стал искушать отречься от Истинной веры. Не знаю, кто его и как искушал, но парень, казалось, действительно изменился, ты представляешь, как после этой вести мы с женой были счастливы? И тут сразу это нелепое падение с лошади! Вот как лучший из известных мне наездников на ровной дороге мог упасть с лошади, да еще и разбить голову о единственный придорожный камень в долине? Я не верю в несчастный случай, но и других объяснений у меня нет.

– Дьявол, искушать? Очень интересно. Ты не рассказывал мне этого, а здесь ведь есть о чем подумать. Можешь узнать подробности у святого отца?

– Даже пытаться не буду, он и так рассказал много – тайна исповеди, сам понимаешь, – барон огорченно развел руками.

– Понимаю, но тебе же надо понять, что случилось с Жаном, а эти события могут быть связаны. Идея! Пусть это выяснит наш знакомый! – воскликнул Транкавель. – Он все-таки имеет право знать о своих покаяниях, тем более об искушении дьяволом.

– Ну, это в любом случае произойдет не скоро – когда он

еще язык выучит.

– Лучше уж поздно. И все же жаль, что я не знал этого раньше.

– Когда бы я рассказал? Не до того мне было. И тут еще беда с супругой! Ты помнишь, что нас повенчали, когда ей было 13 лет? Меня даже на свадьбе не было – я попал в плен к островитянам и ждал выкупа. В обряде венчания вместо меня участвовал твой же брат⁶. Впервые я увидел ее только через два года после свадьбы и влюбился так, как не описано ни в одном романе! Я оставил королевскую службу, чтобы служить только ей, заработал денег и даже смог приобрести замок и поместье, и именно для нее. И вдруг она умирает от горя, а я ничем не могу помочь! Что толку от моих денег, если на все свои богатства я не могу купить хотя бы одну ее улыбку? Вот единственное, о чем я думал, когда обращался к тебе за помощью! Какие еще проблемы, какие трудности?! Сегодня она впервые за много дней уснула и улыбалась во сне, а значит, все уже было не зря!

– Я понимаю, – успокаивающе сказал Транкавель, – но поскольку все уже сделано, и сделано, надо сказать, неплохо, давай все же вспомним, что мы мужчины и дворяне, и нам не пристало пускать дела на самотек.

Виконт встал и энергично зашагал по гостиной, как часто поступают люди, ухватившие интересную мысль, но еще не сформулировавшие ее окончательно.

⁶ Обычай, реально существовавший в Испании и на юге Франции.

– Давай посмотрим, что получилось в результате. В образе Жана мы получили взрослого, битого жизнью человека, который смог чего-то добиться в прошлой жизни. Именно битого, другие в полиции полковниками не становятся. При чем, похоже, в его мире эта организация отличается от того сборища трусов, интриганов и взяточников, которое называем полицией мы. А значит, его знания могут оказаться весьма полезными для Галлии. Строго между нами – по поручению королевы-матери я раз в неделю беседую с юным королем о государственном устройстве страны. Его величество имеет горячее желание взять власть в свои руки, что при его энтузиазме неминуемо повлечет перекройку всех государственных институтов, в том числе, думаю, и полиции. И уж тут тот, кто сможет предложить монарху-реформатору опыт нашего гостя, сможет сделать неплохую карьеру. А совершеннолетие короля уже через четыре года. Смекаешь, к чему я?

– Ты ведь знаешь, что меня не интересует столичная жизнь, мне вполне хватает дел и доходов в Безье. Но по дружбе и из чувства благодарности я помогу, чем смогу. Через два года я отправлю его учиться в Клиссон. Он, конечно, вряд ли поступит, но там ты сможешь взять его под свою опеку. А дальше все будет зависеть от тебя.

– Это достойный подарок! Ты действительно ничего не хочешь взамен? – спросил Транкавель, хитро прищурившись. – Тебе никогда не удавалась роль наивного провинци-

ала – для этого ты слишком богат.

– Удавалась, и еще как! Если бы ты знал, сколько выгодных сделок я заключил благодаря ей, сколько денег заработал, – барон мечтательно улыбнулся. – Только ты на нее не клюешь. Ну и ладно. Действительно, я жду от тебя ответной услуги. Мне необходим достойный повод для лишения его наследства. И я рассчитываю получить его в течение ближайших трех-четырёх лет – поможешь?

– Постараюсь, во всяком случае, приложу к этому все силы. Только подробно пиши мне о его жизни здесь и заранее предупреди, когда он выедет в Клиссон. Прежде всего, меня будут интересовать его сильные и слабые стороны, увлечения и привязанности – только обладая этими знаниями, я смогу с ним чего-то добиться.

– Договорились! Теперь я спокоен – все, за что ты берешься, получается! И почему мы до сих пор трезвы? Эй, кто там, еще кувшин вина!!!

Отступление автора

Среди доставшихся мне тетрадей одна полностью оказалась посвящена описанию мира, в который попал наш герой. С тщательностью, достойной истинного ученого или дотошного следователя, в ней описывались география и история; оружие, технологии и финансовая система; господствующие религии и традиции. Вся эта информация, вероятно, чрез-

вычайно интересна исследователям, но безумно скучна для читателя.

Однако я счел необходимым привести из нее хотя бы краткие выдержки, без которых трудно понять логику последующих событий. Итак...

Глава III

Вот таким образом я и оказался в волшебном мире, очень похожем на наш XVII век – великий век хитроумных властителей и коварных заговорщиков, прекрасных авантюристок и лихих мушкетеров.

Физическая, да и политическая карты здесь практически совпадают с нашими. Галлия примерно соответствует Франции, на западе Кастилия, на севере Великая Островная Империя (по сути, Англия), на юго-востоке множество городов-государств на территории нашей Италии, крупнейшим из которых является граничащее с Галлией герцогство Савойя. На северо-востоке – находящаяся под властью Кастилии Фландрия и самостоятельная Зеландия, примерно в границах наших Нидерландов, на востоке Союз вольных городов соответствует нашей Швейцарии.

Разумеется, наличие магии оказало свое влияние. Многое в этой истории совпадало с нашей, но были и важные отличия, прежде всего, именно из-за наличия магии. Причем все остальные законы природы здесь, похоже, действуют. В том числе и закон сохранения энергии. Когда маг колдует, он использует свои силы. Если переборщит – может получить полное истощение организма, вплоть до летального исхода. Есть возможность накапливать энергию в амулетах, но создавать их могут только сверходаренные маги, которых на всю стра-

ну единицы. Так что обычному дворянину колдовство в бою поможет, но не сильно. С десятком подготовленных бойцов он все равно не справится.

Тем не менее, как и у нас в Европе, дворянство изначально формировалось из лучших воинов, которыми, разумеется, становились маги. При этом в бесчисленных сражениях произошел естественный отбор. В боях выживали сильнейшие. Они же и получали земли, титулы, все как у людей. Видимо, поэтому и история аналогична.

Как и в нашем мире, была длительная война с Островной Империей за Галльский престол. Поколениями друг друга резали. Страну разорили до руин. И после славной победы король этого кладбища Эдмонд II Победитель решил, что хватит экспериментов с престолонаследием. А то еще чернь какой бунт учудит, или родственники заговорами начнут баловаться. Тем более что и сам он был могучим магом, и служили ему в тот момент три сильнейших мага этого мира – так повезло. Потому вскоре после колесования очередного амбициозного родича собрал король этих троих магов и сотворили они великое колдунство. Как уж это получилось, сейчас никто и не знает, как говорится, секрет утерян, но была создана уникальная система защиты галльских королев.

Теперь их нельзя было убить. Никак. Они могли умереть от болезни, погибнуть в результате несчастного случая, от шальной пули. Но вот от умышленных действий – нет. Было два покушения, но душегубы упали мертвыми, как только

схватились один за кинжал, другой за яд. И одновременно с ними представилось несколько потенциально заинтересованных лиц, в том числе и весьма родовитых. Народ ситуацию оценил, выводы сделал.

И обеспечивали безопасность королей те самые три мага и их потомки.

Соответственно, эти Хранители, как их здесь называют, являются по сей день виднейшими лицами королевства, герцогами, с колоссальным авторитетом и влиянием. Но опять же, непосредственно участвовать в политической жизни страны они не могут. Собственно, и земли у них, что называется, в кормлении. Деньги и титулы Хранители имеют, но фактически руководят назначаемые королем комиссары. Оно и понятно – эти герцогства ранее находились в прямом королевском владении и разорение их по бюджету двора ударит немилосердно.

Конечно, авторитет Хранителей столь велик, что суды фактически повторяют их пожелания, да и в Парламенте – да, есть в Галлии и такое чудо! – им буквально в рот смотрят. Но формально все выглядит пристойно, можно сказать демократично.

И только у этих Хранителей магические способности могут передаваться и дочерям.

У всех остальных способность к магии передается исключительно по мужской линии. Но только в том случае, если мать – дочь магов. Чуть чужая кровь затесалась – все, ника-

кой магии у ребенка.

Почему это так – никто не знает. Я думаю, что ген магии рецессивный. Поэтому редко, но рождаются маги и у простых людей – законы генетики никто не отменял. Но это только мое предположение.

Вообще, магию изучать пробуют – но результат нулевой. Все умения получены методом научного тыка. Вроде все дворяне видят проявления магии, как я видел туман, возникший между мной и Транкавелем. Кто-то лучше, кто-то хуже, но предложить более-менее внятную гипотезу природы колдовства пока никто не смог. Непонятно, от чего отталкиваться, поэтому просто заучивают: делай так – получишь это. Даже меня научили магией камни бросать и огонь зажигать, правда, на этом мои успехи и закончились.

Теперь о баронстве Безье. Замок – монументальное сооружение на крутом берегу реки Орб, находится примерно в километре от города. Построенный по всем законам фортификации, он производит впечатление мрачной неприступной твердыни. Постоянно в нем находятся лишь дружина, для которой построена отдельная казарма, и несколько слуг – остальные живут в городе.

Внутри крепости высится просторный четырехэтажный донжон, наверху которого и проживает семья де Безье.

Когда-то люди селились около замка, надеясь на защиту его стен. Но примерно за триста лет до моего появления сеньоры Безье, кстати Транкавели, поддерживали Окситанского

герцога, объявившего себя независимым и от Галлии, и от Святой церкви, что было грубой ошибкой. Если с королем окситанцы еще могли бы справиться, то отпускать богатейший приход и многочисленную паству церковь не собиралась. В результате, как и в моем мире, в Окситанию были направлены войска, которые с помощью специализированных костров, колов и прочих интересных инженерных средств и сооружений доходчиво объяснили окситанским дворянам всю глубину их заблуждений.

Многие знатные роды тогда либо пресеклись, либо, как Транкавели, были изгнаны из своих поместий, а их феоды отошли в собственность короля.

Ну и чтобы чернь тоже не забывала, кто в доме хозяин, несколько городов просто уничтожили. Народ особо не резали, но дома спалили подчистую. Попал под эту раздачу и Безье. И вот с тех пор горожане стараются держаться подальше от господского замка, как говорится – во избежание.

Нынешний барон тоже Транкавель, но был простым шевалье. Однако умел хорошо зарабатывать деньги, на которые выкупил у короны и родовой замок, и нынешний титул, и виноградники, и оливковые сады.

А город живет своей жизнью, и никак от барона не зависит. Уважают его, конечно, но не как сеньора, а как справно-го хозяина, который и работой обеспечит, и, если что, защитить сможет. Поскольку баронская дружина спуска разбойникам не дает и по местным дорогам можно путешествовать

не боясь нападения, что в стране большая редкость.

С окружающими отношения у меня выстроились достаточно быстро, особенно после того, как смог говорить на галлийском языке, очень похожем на наш французский. Барон, правда, меня сторонится, зато мать просто счастлива. Сестры-близняшки Шарлотта и Сибилла девяти лет от роду раньше меня боялись. Предыдущий владелец тела, оказывается, их и ударить мог, даже кинжалом уколоть – развлекался барчук, видите ли. Как только его сами родители не прибили? Зато сейчас девчонки готовы ходить за мной как привязанные – я им на ночь сказки рассказываю. А когда про Золушку рассказал – вообще щенячьему восторгу предела не было. И то сказать – почти Средневековье. Ни Шарля Перро, ни братьев Гримм. Какие радости у детей?

С двенадцатилетним братом Гастоном сложнее. Я ведь старший, значит наследник. Его же будущее – или в армию, или на гражданскую службу. В любом случае судьба ловца удачи. Я наследовать категорически не собираюсь – заполучить вторую жизнь, да еще и все имущество семьи, причем весьма богатой, на такое свинство я категорически не способен. Но Гастон помешан на ратных подвигах, звоне шпаг и грохоте орудий, с чем я и борюсь без устали. Мотаюсь вместе с ним по баронству. Якобы за компанию, а на самом деле, чтобы брат в этот бизнес вникал. Обзавелись с ним командой смысленных ровесников из крестьянских детей, учим их помаленьку и грамоте, и оружием владеть. В перспективе на-

дежное пополнение и дружины, и администрации – у кого к чему склонность и способности обнаружатся.

Зато от них реально знаем, что в хозяйстве творится. Сам барон в это дело не шибко лезет, управляющему доверяет. Только из бумаг не все видно – местные старосты лапшу на уши вешают – любо-дорого. Крестьянский труд пока через себя не пропустишь – не поймешь, но мы же дворяне, нам не по чину.

Однако управляющего я уже на мухлеже поймал, благо опыт есть. Тут десятичной денежной системы нет. Ходят золотые экю, стоящие 3 серебряных либры, медные су – $\frac{1}{20}$ либры и медные динарии – $\frac{1}{12}$ су. Не так сложно, как во Франции в то же время, но тоже рай для махинаторов. Учет-то ведется в либрах, а запутать пересчет монет – дело несложное. Чем наш клиент и занимался, но был пойман.

В соответствии с местной традицией набили с братом ему морду, заставили все вернуть, пообещали кастрировать – надеюсь, осознал.

Но не это стало для меня главной заботой. Учеба! Дитя двадцатого века, я оказался абсолютно не приспособлен к жизни в веке семнадцатом. Кому, скажите на милость, нужны здесь остатки знаний по квантовой оптике или умение водить автомобиль? Может быть, когда-нибудь кому-нибудь пригодится знание криминалистики, но до этого светлого дня надо еще дожить, желательно не свернув себе шею при падении с лошади. Поэтому верховая езда и, конечно, фех-

тование. Без рапиры и в люди выходить неприлично. Все-таки XVII век – расцвет бретерства, дворяне режут друг друга с дорогой душой, и уметь отбиться от этих забияк надо.

А для войны – шпага. Я с ней пробовал тренироваться – пока без толку. Может, для тех, кто на коня сел раньше, чем ходить начал, она и хороша, но вот мне никак не с руки. Не думаю, что в свалке она мне сильно поможет.

Однако здесь повезло – у барона в дружине нашелся поляк Адам, с саблями чудеса творит. Уговорил его учительствовать. Барон все не мог понять, зачем мне эта экзотика. А как ему объяснишь, что сабля – вершина боевых клинков, в период, когда воины доспехи облегчать стали? Это только в будущем опыт войн подскажет, мне же прогрессорствовать без толку: всех аргументов – только опыт Адама, но этого явно мало. Так что просто сказал, что мне так удобнее, и пошел учиться.

Еще нашел в оружейной восточный лук – сложносоставной, рекурсивный, с костяными накладками и тягами из воловьих жил – сказка. Тут уже сам учиться начал – когда-то в молодости увлекался этой забавой. Конечно, луки двадцать первого века отличаются от местных, как винторез от аркебузы, но теорию я знал, дело только за практикой.

И еще одно необходимое условие выживания – религия. Практически один в один христианство, даже символ веры близок и Святая Троица присутствует, но и отличий много. Причем в именах и формулировках, в которых ошибиться

нельзя – тут с ересью строго. В лучших традициях Торквемады⁷.

Ко всему прочему, телу четырнадцать лет, гормоны гуляют по организму, а сифилис – по стране. Не зря его в нашем мире галльской болезнью называли. Так что вспоминаем Адриано Челентано в «Укрощении строптивого» и идем колоть дрова. Или на турник. Не для того мне тот мальчик свою жизнь отдал, чтобы ее на всякую гадость променять. Потому что лечить инфекционные болезни здесь не умеют. Рану заживить, кость срастить, все, что связано с ускоренной регенерацией – это маг делает запросто. Даже выбитый зуб вырастит. Но вот если сепсис пошел – кирдык. Тут один король так умер – прыщ в ухе вскочил, загноился и все, гангрена. А королю лет семнадцать было, он и года не правил. Полостные операции тоже не делают, даже самые простые. Аппендицит страшнее пули – от той хоть умрешь быстро. Хотя анестезию делают великолепно. Местный палач по пьянке в кабаке жаловался – сильного мага пытаться бесполезно, все равно боли не чувствует.

Зато свежий воздух и здоровое питание. Замок расположен в стороне от города, так что воздух действительно свежий. Молодец барон – вопросы санитарии решил по высшим стандартам средневековья – навоз на поля вывозят, а люди отхожими местами пользуются, которые периодически, по

⁷ *Торквемада* – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании. Отличался особой жестокостью.

мере заполнения, переносятся.

Ну и главное, в отличие от Руматы Эсторского⁸, у меня права на снобизм по отношению к местным нет категорически. Так только, на легкую иронию. Мне-то отсюда никуда и никогда не вырваться.

Разговор, которого Жан не слышал

– Гийом, я так счастлива, так счастлива! Как дворянин и человек чести, ты просто обязан немедленно признать, что ничего не понимаешь в людях вообще и в детях в особенности! Сколько раз я тебе говорила, что Жан – прекрасный, умный, а главное добрый мальчик, что ему просто надо немного подрасти? И что я слышала в ответ? Нет, ты вспомни, вспомни! – Сейчас тебе должно быть стыдно! Потому что ты оказался не прав, а я права. Барон де Безье, я жду ваших признаний!

– Дорогая, я каждый день признаюсь тебе в любви. Я готов признаваться в этом два, три раза в день, каждый час, каждую минуту. И если ты надеешься, что годы повлияли на мою страсть...

– Барон, уберите руки, немедленно прекратите меня целовать... Я же потом сама платье не застегну, что подумают служанки?..

⁸ Румата Эсторский – герой книги братьев Стругацких «Трудно быть богом».

– Они не подумают – они точно знают, что я не могу на тебя спокойно смотреть и никогда не смогу, даже не надеюсь. Потому что я самый счастливый муж, который сумел получить самую лучшую жену на свете!

– Может быть, и лучшую, но и самую вредную – мне сегодня ничего нельзя, вот! И еще неделю нельзя будет. А вам в наказание, господин барон, я повелеваю эту неделю ходить облизываться, страдать и думать о том, как вы были несправедливы к своему старшему сыну. – Пусть это будет ваша расплата за попытку не соглашаться со мной!

– Как истинный рыцарь, я с покорностью и смирением снесу любое наказание от дамы своего сердца, даже столь жестокое! А если серьезно, я так рад видеть тебя счастливой. Все-таки Шарль великий врач и прекрасный друг. Друг приехал по первой просьбе и успел в последнее мгновение, а врач совершил чудо. И действительно, после этого Жан изменился. Может, здесь тоже Транкавель помог?

– Конечно же, нет! Жан был таким всегда, только он скрывал свою доброту под маской безнравственности. Что делать – современные дети не похожи на нас. Они почему-то стесняются своих лучших чувств.

– Да уж. Стеснительность всегда было его третьим именем. А Доброта – четвертым. На самом деле, дорогая, я думаю, его изменила близость со смертью. Может, я и ошибаюсь. И уж конечно, ты всегда права, не замахивайся на меня ложкой – я ее боюсь!

– Правильно, да убоится муж жены своей! Кстати, какие у вас с ним планы на будущее?

– Думаю, через год пошлю его в Клиссон, дальше – как сложится. Может быть, вернется сюда, может, останется в большом мире. Ты же видишь, что заниматься хозяйством он не желает.

– Что же, положимся на промысел господний, зато целый год я и девочки будем наслаждаться его обществом. Если бы ты слышал, какие истории он придумывает и рассказывает им на ночь! И ведь вроде бы простые сказки, но только после них дочки становятся настоящими дворянками быстрее, чем после общения с самыми строгими учителями. Да, дорогой, у нас прекрасные дети. А знаешь почему?

– ?!

– Потому что у меня самый лучший муж, которого я безумно люблю. Иди ко мне, я пошутила насчет «нельзя».

Глава IV

Измученный постоянной учебой и тренировками, я и не заметил, как настал день «моего» шестнадцатилетия. Великий праздник! Если бы не барон. Именно на этот день его вызвали на аудиенцию к сюзерену – графу Тулузскому, куда, по протоколу, полагалось прибыть с супругой. Уверен, что за этот вызов де Безье заплатил секретарю графа отнюдь не одно экю.

Ну не складывались у нас отношения. И исправить это невозможно. Думаю, и я на его месте вел бы себя не лучше. Так что проскучал за столом, обрадовался горе дорогуших, но абсолютно ненужных подарков, а потом с братом и сестрами сели на коней и просто поехали кататься. И вот это уже был праздник! Ехать не по делам, а просто так, куда глаза глядят...

Барон вернулся через неделю и сразу же поставил меня в известность, что теперь начинается взрослая жизнь. Первое же, что мне предстоит – научиться входить в состояние Старкада – был такой знаменитый воин типа наших берсерков⁹, которых свои боялись. Так вот в этом состоянии у человека на порядок увеличивается сила, скорость и реакция.

⁹ *Берсерки* – норманские воины, отличались в бою храбростью, граничившей с безумием. Считается, что сражались под воздействием галлюциногенов. Часто в пылу боя убивали своих соратников.

Фактически в бою он становится непобедимым. Даже смертельно раненный может довольно долго сражаться в том же темпе – видимо, следует запредельный выброс адреналина. Одна беда – в старкаде ему все равно кого убивать. Понятие своих и чужих полностью исчезает – все вокруг превращаются в жертв. И остановиться такой воин может только сам, причем не по своей воле, а пока, как говорят здесь, «не напьется крови». Я так понял – пока весь адреналин не сгорит.

Но только когда я после долгих трудов все же в это состояние вошел – понял, какая это страшная штука, оружие действительно последней надежды.

Сила в теле немереная, в сердце даже не ярость – дикая, первобытная жажда крови, желание услышать хруст костей, крики жертв и животная страсть убивать, убивать, убивать...

Перед тем как в старкад входить, мне в руки меч дали – старинный бастард¹⁰, и никакой защиты. А вокруг все дружинники, свободные от дежурства, вооружены, как положено, в полных доспехах. У них задача – уцелеть, ибо справиться с воином в старкаде заведомо невозможно. Так вот, я всех убил. И чем больше убивал – тем больше мне это нравилось, больше хотелось убивать, причем не просто убивать. Зачем отрубать жертве голову, когда можно отрубить руку? Или ногу? Я хотел видеть агонию, слышать предсмертные крики. Бастард я держал впервые, но какое же прекрасное это оружие! Как ровно он прорезает доспехи, как смачно входит в

¹⁰ *Бастард* – полутораручный меч.

человеческое мясо! Как приятно под ним хрустят кости!

Когда очнулся – вокруг кровь, все, с кем два года я тренировался, болтал в минуты отдыха, все лежали не просто мертвые – на куски мною порубленные. Я тупо смотрел на свою окровавленную одежду, окровавленные руки, окровавленный меч – готов был сойти с ума от ужаса и ненависти к самому себе.

Вдруг окружающий мир дрогнул, поплыл, я уже решил, что сумасшествие состоялось. Но потом кровь на одежде и куски мяса на земле исчезли, дружинники зашевелились, а в руках оказалась простая палка. Очень легкая и прочная. Подбежавший барон помог сесть на землю, заставил выпить огромный кубок вина, сам устроился рядом и стал рассказывать.

Оказывается, со мной провели стандартную процедуру демонстрации этого чертового старкада. Давным-давно маги поняли, что впасть в это состояние может любой способный к магии человек, однако последствия всегда бывали страшными. Тогда и было принято решение обучать этому дворянских детей с тем, чтобы исключить случайное вхождение. И параллельно показывать, к чему старкад может привести. Проще говоря, во время всего этого действия я находился в магически измененном пространстве, словно в галлюцинации. В руках у меня была палка, которая казалась мне мечом. Если я кого-то бил – то это был просто сильный удар палкой, а казалось, что я отрубаю куски тел, из ран льется кровь. Та-

кая вот иллюзия, неотличимая от реальности. Жестоко, зато желание баловаться старкадом отбивает навсегда.

Да, потом пять дней отлеживался – каждая мышца и каждая связка болела. И отъедался – сколько уж я там килограммов за это упражнение скинул – не знаю, но жрал эти дни в три горла, наесться не мог.

Когда оклемался, барон заставил меня поклясться на священном писании, что использовать старкад буду только на государственной службе и только в крайнем случае. А мне с писанием шутить никак нельзя, даже не из страха – просто нельзя и все.

Когда клялся – обратил внимание на хорошее настроение барона, чем и решил воспользоваться.

– У нас никак не получается поговорить с глазу на глаз, а, наверное, надо. Вы согласны?

– И о чем же? – все-таки недовольно проворчал де Безье.

– Нам надо определиться с будущим.

– Какое будущее! Ты влюбил в себя мою семью, а что дальше? Оставить все тебе? Твоим детям, которые нам чужие? А что будет с моими детьми – нищенствовать их пошлешь?!

К сожалению, чего-то подобного я и ожидал. Но неопределенность точно до добра не доведет. Сейчас он ничего не сделает, видит же, как меня баронесса и дочери любят. Но вот в будущем... Нравы здесь простые, а человеческая жизнь ценится дешево. Так что лучше обо всем сказать открыто, чем ждать, что само рассосется.

– Господин барон, вообще-то это близко к оскорблению. Вы действительно меня за свинью держите? С чего вы решили, что в благодарность за вторую жизнь я намерен и наследство отхватить?

– С того, что по-другому – никак! Лишение наследства старшего сына возможно только в случае его бесчестия. При чем именно бесчестия, после которого с тобой даже разговаривать никто не станет. А заодно и с нами – с твоей семьей. Такой твоя благодарность будет? Собираешься маленьких девочек насиловать? Так учти, что простолюдинки для этого дела не подойдут, дворянки нужны. Да за такое я тебя сам четвертую!

– Спокойно, спокойно. Вы чего себе напридумывали? Неужели нельзя просто мне самому написать отказ от наследства? Ну не хочу я в сельском хозяйстве копать. Может, я о воинской службе мечтаю.

– А кого это волнует? Оставляй управляющего с доверенностью и вперед к подвигам. Вот если погибнешь геройски – тогда да, может и Гастону достаться, если детьми к тому времени не обзаведешься. И только так! У нас ведь майорат, от него отказаться нельзя. Только со смертью. Слушай, может сам повесишься, через годик?

– Грех это смертный, сами знаете.

– Ладно, ерунду сказал. Но не знаю я, что делать, не вижу выхода!

Действительно проблема. Единственный вариант – лише-

ние наследства. Однако причина, с одной стороны, должна быть веской, с другой – не унижающей родовую честь де Безье. И что тут можно придумать?

– Да и нужен ты здесь, – неожиданно продолжил барон. – Ты положение в стране представляешь?

– Примерно. Король и королева-регент правят мудро. Парламент им во всем помогает. Подданные платят налоги, ходят в церковь и не бунтуют. Вроде все спокойно? – ну не интересовался я здесь политикой, и, как оказалось, зря.

– Если бы спокойно. Лет пятьдесят назад приползла к нам зараза – ересь островная, которую святые отцы благополучно прозевали. Хватились, когда уже поздно было – почти четверть Галлии за еретиками пошла. Воевали с ними, но добить не удалось. Лет десять назад подписали с реформистами мир, по которому оставили им территории, на которые святой церкви ходу нет. Так вот территории эти недалеко от нас. Ближайший город – Монпелье, как раз под ними. Со своим гарнизоном. Теперь они упорно стремятся и наших крестьян в свою веру обратить, а попутно и пограбить. Поэтому на счету каждый мужчина, умеющий держать шпагу в руке, чтобы и крестьян защитить, и убыток компенсировать.

Что ж, все знакомо. Как тот папуас говорил: «Плохо – это когда сосед у меня корову украдет, а хорошо – это когда я у него». Но не мне же судить. Тем более если Безье действительно под угрозой. Да и не верю я церковным реформаторам. Это вначале – откажемся, братия, от лишнего в учении

и воспримем правила строгости и скромности. А в конце проституция и наркотики Амстердама, венчание однополых браков, даже венчание животных. Проходили. На фиг. Ибо не фиг.

А Гийом Маттье барон де Безье... Он мужик правильный, на пустые слова не ведется. Мужчины не болтают, мужчины делают, а какие сейчас с меня дела? Нам с ним, видимо, вместе драться придется, там и будем доказывать, а так – чего действительно зря воздух сотрясать.

И вот в начале июля приехал к нам в гости родной брат баронессы – шевалье де Брам. Да с охраной аж из девяти человек. Баронесса мне о нем много рассказывала – и какой он добрый, и какой он умница, и как своих трех дочерей любит – фактически идеал рыцаря. Ну, естественно, она же замуж в пятнадцать лет вышла, каким еще может быть старший брат у такой девчонки. Встречались они после этого раз в год летом, только в прошлом не сложилось – чем-то он был очень занят.

А что значит гость у барона – пьянка без перерывов. Гость либо трезвый, либо мертвый, полутонов традиция не позволяет.

Вот и сейчас здравицы орут, да петь начали. Только о том, что есть ноты, им не сказали. Мелодия ничто, энтузиазм – все! Кто не спрятался – они не виноваты!

Поскольку мне за их столом делать нечего, пошел к дружинникам.

А там добры молодцы в фехтовальном манеже стали си-лушкой меряться, без оружия. Смотреть на этот цирк без смеха невозможно. Нет, дружинники бойцы грамотные, тре-нированные, но это когда с оружием, тогда и подсечку про-вести могут и кулаком в рыло съездить. Но без него – типич-ные деревенские увальни, когда силы много, а толку мало. Толкаются, стараются нахрапом повалить противника. Ну и хорошо – не покалечат друг друга. Зато всем весело.

А вскоре к ним и дядины дружинники присоединились – видать, подурачиться всем охота. Тоже руками машут, как мельницы крыльями, сквозь хохот ярость демонстрируют.

И тут меня как током ударило. Стоп, стоп, стоп. Да ведь ребята – подготовленные рукопашники. У оружных бойцов и пластика, и передвижения другие, годами тренировок и схваток вколотенные. От них не избавишься, если только специально не учиться. А тут впереди левая нога (у фехто-вальщика без щита – правая), ноги расставлены не широ-ко, согнуты лишь слегка, центр тяжести посередине, подбо-родок опущен, чего ни фехтовальщики, ни деревенские дра-чуны никогда не делают. Опять же руки на месте. И движе-ния плавные, скользкие. Видно, что наших в любой момент могут раскидать, как котят.

Это где же воины такому научились и, главное, зачем? В бою с вооруженным противником не поможет, там другие навыки нужны, а с безоружным чего драться? Проткнул его и пошел дальше, ибо дружинник всегда при шпаге.

Однако стоять такие бойцы, как редкие самородки, должны дорого, де Брам у них явно не по карману. Достаток здесь принято демонстрировать породистым конем, дорогим оружием и богатой одеждой, перстнями шикарными, прочими побрякушками ювелирными. Мужчины стараются себя как елку новогоднюю нарядить, особенно когда в гости едут.

Только вот у де Брама кобыла – без слез не взглянешь, одет тоже так себе. Никаких перстней нет и в помине и шпага самая обычная, в простых ножнах и на дешевой перевязи.

Я его торжественный въезд в замок пропустил, интересно, а его команда на каких росинантах разъезжает? Сходил на конюшню и обомлел – этих коней и графу иметь не стыдно. Это что же, сам гол как сокол, а охране деньги лопатой отсыпает? А зачем? Времена мирные, разбойников в наших краях забыли, когда и видели.

Так, бегом к баронессе за информацией. Ой, не нравится мне все это. Профессиональное чутье подсказывает, что надо разъяснить ситуацию до конца. А что такое это чутье – всего лишь перенос на конкретные обстоятельства жизненного опыта, который я синяками и шишками заработал, так-то.

В это время гостеприимная баронесса сидела в трапезной и с умилением наблюдала, как любимый брат с любимым мужем упорно и целенаправленно надираются. Говорить они еще могли, но разговаривать уже нет. И это еще полдень не наступил! Что же к вечеру будет?

При этом сама баронесса была абсолютно трезва, чем я поспешил воспользоваться.

– Матушка, вы, видно, скучали по своему брату? – тут главное любимую тему задеть, дальше женщине собеседник не нужен – нужен слушатель. Внимательный и чуткий, как я.

И началось – какой он хороший, добрый, вежливый. Тут я не удержался – с откровенным сомнением посмотрел на это чудо средневековой интеллигенции, которое упало с лавки, сблевало и теперь пыталось залезть обратно.

Однако дальше пошла действительно важная информация. Оказывается, шевалье владеет даже не замком – деревней, обнесенной деревянным частоколом. Расположена она километрах в шестидесяти к северо-западу от нас. При ней небольшой виноградник, с которого, однако, делают превосходное вино.

С точки зрения обороны деревня ничего не стоит – ибо защитники из крестьян никакие, на укрепление стен и даже найм дружины денег у де Брама никогда не было, ибо надо копить дочерям на приданое. А их три и все на выданье.

Раньше он в Безье приезжал с женой и дочерьми, причем всегда без охраны. Смеялся еще, что поездка в Безье безопаснее похода на ночной горшок – меньше шансов споткнуться. Но ведь с тех пор ничего не изменилось.

Дело ясное, что дело темное, пришлось прервать разговор с баронессой, сказав, что пора на занятия, и идти к Адаму, потому что самому эту проблему не решить, барон пьян, а

брат молод – только дров наломает. Хотя на разговор его тоже пригласил – сейчас всякая помощь может потребоваться. Строго говоря, дальнейшие мои действия были практически стандартными – сбор полной информации, касающейся потенциально опасной ситуации.

Кратко описал проблему. У шевалье в неукрепленной деревне остались жена и три дочери. Против обыкновения он их с собой не взял, а вот девять дружинников привел. Нанял их неизвестно на какие деньги, причем, судя по лошадям, платит им больше, чем сам зарабатывает. Да, и эти орлы очень специфическими навыками обладают.

– И какой вывод вы делаете, господин сержант? – это я уже Адаму.

– Действительно странно это, ваша милость. Давайте для начала посмотрим, как наши гости оружием владеют. Сейчас у нас занятия, постараемся и их втянуть.

– Договорились. Кстати, Гастон, где сейчас наши юные молодцы?

– Около замка учатся шпагами махать.

– Пусть немедленно берут коней, конюхов я предупрежу, и летят по своим деревням. Я хочу знать обо всех посторонних, кого видели вчера и сегодня. Неважно, вооруженных или безоружных, мужчин или женщин, молодых или старых, благородных или нет. О каждом. Это донеси до ребят особенно четко – люди обычно отвечают не на тот вопрос, который им задали, а на тот, который они услышали. Сам опро-

си всех дежуривших на воротах, выясни, кто из посторонних находится в замке. Слуги гостей, дети, крестьяне – учесть каждого, самого незначительного. Действуй.

В конюшнях проблем не возникло, и наши сорванцы умчались добывать оперативную информацию. Дружинники же шевалье удачно расположились около площадки, где занимались наши воины. Сидели и смотрели, но как-то очень внимательно. Хотя, может, это моя паранойя, но известно же, что параноики дольше живут. Так что не будем спешить к психиатру.

Тем временем Адам взвинтил темп тренировки, завел наших бойцов, а под азарт троих гостей на площадку вытянул. Сначала они дурака валяли, но все же спортивный дух взял свое, и показали эти трое класс работы учебным мечом. Высокий, надо сказать, класс – один на один с ними только Адам мог справиться. Так что теперь, я должен верить, что эта элита захоластному дворянчику служит?

Затем выслушал Гастона и вернувшихся ребят. И вновь результаты меня совсем не порадовали.

Во-первых, выяснилось, что с отрядом шевалье в замок прибыл мальчишка, которого де Брам представил как своего слугу. Больше его никто в замке не видел. Причем то, что это именно мальчишка лет двенадцати, охранники на воротах определили по росту, одежде и босым ногам. Лица его под широкополой соломенной шляпой никто не разглядел.

Во-вторых, утром с северо-запада в сторону замка про-

ехал отряд вооруженных всадников, человек двадцать. Однако до замка они до сих пор не доехали. Можно предположить, что расположились в лесу, что в паре километров от нас. Проехать мимо незамеченными они не могли, стража службу знает.

– Теперь подытоживаем. Шевалье привел в замок девять высококлассных бойцов, оплачивать которых ему не из чего и незачем. В замок с ними пришел якобы мальчишка-слуга, которому просто некому прислуживать. Де Брам всегда без слуг приезжал, а слуга у дружинников – вообще нонсенс. Да и где вы видели босых слуг? Это же позор для господина! Оплачивать элитную охрану, а слугу держать босым – не бывает такого. Вдобавок, около замка пасется отряд из двадцати вооруженных всадников.

Еще раз переговорил с Адамом, выложил последнюю информацию.

– Ерунда получается, господин барон. Только ведь сейчас шевалье об этом не спросишь и вашему отцу не расскажешь – пьяные они. Скорее всего, нет в этом ничего страшного, только мне деньги платят за то, чтобы я всегда к худшему готовился. Так что давайте мы сегодня и завтра усиленное дежурство организуем – хуже точно не будет.

Правильно он рассудил, только вот не совсем.

– Хуже действительно не будет, а будет ли лучше? Предположим, только предположим, что шевалье затевает гадость. Увидят его ребята твое усиление, ничего не сделают и зав-

тра тихо уедут. Но ты уверен, что все на этом успокоится? Деньги на гадость уже потрачены, и немалые, неужели кто-то согласится их просто на ветер выкинуть? И чего нам тогда ждать? И когда? Нет, если они что плохое задумали, надо им так настучать по зубам, чтобы они дорогу сюда навсегда забыли. А если ничего не замышляют – нечего их недоверием обижать. Согласен?

– Согласен, ваша милость, только вот как это сделать? Мудреное что-то у вас получается.

– Ну, если мудреное – ты рядом, поправишь. Пока же обеспечить охрану пьяных дворян. Только пусть ребята будут готовыми к тому, что шевалье внезапно протрезвеет. В любом случае по замку без сопровождающих он перемещаться не должен ни в каком состоянии. В крайнем, подчеркиваю, крайнем случае свяжите его – вроде как с перепоя он в буйство впал. К баронессе также приставить двоих сопровождающих. Девчонок запереть в их комнате и поставить охрану, – пусть хоть оборутся – я потом лично извинюсь.

– Как хотите, ваша милость, но я не самоубийца. С баронессой сами договаривайтесь, иначе она меня точно со свету сживет. Нет, что хотите, но к баронессе идите сами, – а ведь и вправду испугался, рубака бесстрашный, даже руками замахал. Видать, умеет баронесса себя поставить, если такого головореза в кулаке держит.

– Ладно, уговорил, герой ты наш. Но шевалье с бароном и девчонки на тебе по-любому. И, Адам, а ведь если ночью

ничего не случится, мы с тобой двумя дураками будем выглядеть.

– Я, ваша милость, лучше сто раз дураком готов выглядеть, чем один раз покойником. Так что давайте все делать, как условились.

В этот момент во дворе раздался стук копыт и скрип колес – что за черт? Оказалось, дуэнья собралась сестер везти на прогулку. Ну, прямо вовремя, когда рядом неизвестный отряд рыщет. Нет, сегодня такая поездка может оказаться бесполезной для здоровья. Поэтому отвел кучера в сторонку, тихо попросил срочно и незаметно сломать повозку.

– Что вы, господин барон, меня же накажут.

Пришлось, мило улыбаясь и по-доброму глядя в глаза, пообещать, что иначе при выезде из ворот ему на голову упадет случайный булыжник, которыми я не промахиваюсь. Поверил, побежал выполнять приказ. Буквально через минуту раздались охи и ахи по поводу сломанной оси и возмущенные крики дуэньи из-за сорванной прогулки. Ну и ладушки, пусть девчонки пока в замке посидят.

Сам тем временем прикинул расклад на случай, если мои опасения, не дай Бог, оправдаются.

Что мы имеем? Гарнизон замка сорок человек. Надежные, обученные люди. Взять замок штурмом – серьезная войсковая операция, а возможных противников всего человек тридцать. Но десяток их уже в замке. Значит, может готовиться диверсия. Но и это не страшно. Против сорока гото-

вых к нападению воинов девять бойцов и один пьяный дворянин явно не пляшут. Однако что за мальчишка в замке? Взрослый маг – исключено, на воротах не лопухи, у взрослых и комплекция и пластика другая – заметили бы. Диверсант-убийца? Тоже вряд ли. Для его подготовки годы нужны, опять же по возрасту не подходит. Юный маг? Не опаснее нас с Гастоном, смешно, ей-богу.

В общем, этот мальчишка, который, возможно, является ключевым элементом плана нападающих, создает им преимущество внезапности. Объявлять его розыск бессмысленно. Не факт, что найдем, а операцию сорвем гарантированно. И планируется она явно на эту ночь, потому что в том болотистом лесу, где, скорее всего, и прячется тот отряд, никакому вояке долго не высидеть – комары сожрут. На себе испытал. Да и ночь сегодня подходящая – безлунная. Для нападающих это не проблема – хороший маг над замком в любой момент люстру повесит, а в такую погоду скрытно подойти к крепостной стене – самое то.

Следовательно, надо подготовить недобрым гостям свой сюрприз.

– Адам, я вот что предлагаю. Сегодня ночных часовых поставь как обычно. Только предупреди ребят о возможной атаке с тыла, да проверяй их почаще. А вот остальных надо скрытно разместить так, чтобы могли подстраховать группу охраны ворот. За скрытность отвечаешь лично – не дай бог гости увидят. Задача – обеспечить блокирование гостей

в случае попытки открыть ворота изнутри. Я пока подыщу позицию, с которой простреливаются подходы к воротам и вход в донжон.

– Получается – две смены караула по шесть человек – надо демонстрировать обычный режим охраны замка, два человека на вход в донжон, пятнадцать – на подстраховке, трое на охране шеваляе, трое на охране баронессы и дочерей, с ними будет господин Гастон, четверо – в резерве. Годится, господин барон?

– Трое на де Брама – не мало?

– Не сомневайтесь, те, кого я поставлю, справятся.

– Ладно, тебе виднее. С подъемным мостом и решеткой что делать будем? Подъемник решетки работает, я знаю.

– Ваша милость, какой мост? Его лет сто не поднимали. Я думаю, что уже и поднимать нечем. Войны же нет. А решетку на эту ночь действительно можно использовать.

– Все-таки подождем. У механизма ночной пост предусмотрен, если будет нападение, тогда пусть и опускают. Согласен?

– Вполне.

– Хорошо. Да, и гостей разместить в отдельном помещении, которое надо подготовить. Желательно, чтобы там был только один выход. Я пока поищу, где самому расположиться, и успокою баронессу и девчонок.

Позиция для лучника нашлась напротив донжона, на крыше кухни. Высота была достаточная, чтобы простреливать

все пространство у ворот, а также крыши других построек, при этом труба от кухонной печи позволяла укрываться от ответных выстрелов – пистолеты у противника наверняка есть.

Осталось успокоить баронессу. Она была у дочерей и вместе с ними возмущалась излишней, по их мнению, опекой охраны. Пришлось соврать о появившейся шайке разбойников, уверить, что завтра их поймают и все успокоится. На прощанье рассказал про кота в сапогах, чем сорвал восторженные визги девчонок и счастливую улыбку их матери.

И уже уходя:

– Мама, барон устал, за замок отвечаю я. Пожалуйста, помогите мне – не выходите из комнаты, не выпускайте сестер ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось.

– Нельзя даже воспользоваться потайным ходом? – с лукавой улыбкой спросила баронесса.

– Хорошо, если, не дай бог, почувствуете опасность – уходите. Но только в этом случае. Главное – из него безопасно выбраться сможете?

– Да, там несколько выходов.

– Все-таки без крайней нужды из замка не выходите – неизвестно, где эта банда шастает – наткнетесь, и как вас потом выручать?

– Не беспокойся, сын, я дочерьями рисковать не буду. Все-таки получается из тебя рыцарь, а мне здесь никто не верил! – на этот раз в ее словах прозвучала настоящая гор-

дось. Что ж, хоть одного человека я сделал счастливым, надеюсь там, наверху, мне плюсик поставили. Понимаю, что этого мало, бесконечно мало, но все-таки.

Однако какие наши годы, только бы из этой заварушки с честью выбраться. А значит, нечего расслаживаться – дело делать надо.

Пошел к Адаму проинспектировать жилье для дорогих гостей.

Оказалось – все готово. Было в замке помещение, где при необходимости могли переночевать слуги, обычно жившие за пределами замка. Расположено оно в донжоне, но выход из него только один и как раз на площадь перед воротами. Лежанки там были, а Адам распорядился дополнительно туда стол с лавками поставить.

Прислуживать должна была разбитная служанка Сесиль. В официальных документах СССР таких называли женщинами с пониженной социальной ответственностью. Так вот у Сесиль эта самая ответственность была где-то на уровне Марианской впадины. Признавала она только мужчин из замка, но уж им в ласке никогда не отказывала. В городских кабаках была популярная тема – обсуждать местных бедолаг, которых она с носом оставила.

И ведь вроде не особо красавица, а ни один мужик не мог пройти мимо нее спокойно. Этому научить нельзя, это от Бога. Может, правда, и от дьявола, но тут главное, чтобы такая мысль какому-нибудь упертому священнику в голову не при-

шла. В нашем-то мире всякие были случаи. Здесь, правда, святые отцы к истерикам не склонны. Требования к морали высокие, но на костер – только за ересь. И то понятно – на территорию реформистов их власть не распространяется, а перегнешь палку – народ туда и рванет. Хотя, по слухам, у реформистов попы тоже гуманизмом не страдают.

Но я отвлекся.

Так вот, перед Сесиль была поставлена задача зайти к «гостям» несколько раз и определить изменения в их поведении на предмет опьянения. Вина им нанесли немерено, но злодеи могли его не пить, а выливать, и пьяными только притворяться. Однако такой детектор, как Сесиль, обмануть невозможно. Она эти вещи инстинктивно чувствует – никогда не ошибается.

Ну и с заходом солнца операция началась.

Шевалье с бароном валялись в трапезной, богатырскими дозами вина на корню пресекая попытки своих организмов протрезветь.

«Гости» зашли в подготовленное для них помещение, где сразу набросились на вино и закуски. Вот только всерьез или притворялись – пока непонятно.

Наши расположились по местам. Адам молодец, развел бойцов на позиции так, чтобы возможный наблюдатель ничего не заподозрил. Ходили по двору и дружинники, и челядь, причем все явно по делам, потом постепенно дружинников становилось все меньше и меньше. Мало ли, скорее

всего, спать отправились.

У меня в гардеробе был черный костюм – надел его и черные сапоги. Не ниндзя, но в темноте сойдет. Лицо и руки по законам жанра сажей вымазал, погасил на кухне огни – при слуге там ночью делать нечего, взял лук и стрелы и выбрался на крышу, был там лючок. Залег, жду, наблюдаю. Благо не впервой,годились навыки прошлой жизни.

Часа через полтора, когда полностью стемнело, из донжона вышел Адам, обозначив себя, как договаривались, движением факела. Обычный обход караулов.

А дальше принципиально – если факел будет раскачиваться вертикально – дружинники де Брама перепились и, скорее всего, к агрессивным действиям неспособны. Не гарантия, конечно – мало ли какими микстурами их могли снабдить, да и неизвестный мальчишка до сих пор не объявился, но все же поспокойней.

Но факел закачался в горизонтальной плоскости, значит, сбываются наши худшие опасения. С добрыми намерениями ни один местный вояка пьянку имитировать не будет – напьется честно и от души.

Принято, кладем стрелу на лук и ждем дальше.

После смены караула, то есть через два часа, в гостевом помещении все успокоилось, вроде как «гости» уснули. А еще часа через три, если судить по сменам караула, на занимаемую мной крышу кто-то бросил кошку. Не живую, а абордажную. Слава богу, зацепил ее не за меня, а за какой-то

выступ. Вот этого я не предусмотрел – из оружия у меня только лук. И воспользоваться им будет непросто – я же лежу, боясь пошевелиться – подшумлю, и мой гость просто отменит операцию. Забирается-то он с той стороны, с которой очень легко скрыться в хозяйственных постройках. А там ищи ветра на конюшне.

Ладно, предоставим ему инициативу, постараемся сработать вторым номером.

Кстати, гость грамотный, одет как ниндзя¹¹ – в черный свободный костюм из легкой ткани, размывающей силуэт, и черную мягкую обувь. Лицо и руки тоже не белеют. На фоне звездного неба, благо облаков нет, видны мягкие точные движения. Но зачем замирать в неестественных позах, зачем двигаться неестественным шагом? Это что за вундеркинд? Где и когда он этому научился – тут же не Япония, здесь с пеленок растить диверсантов не принято. Или принято? Неважно. Важно – что он собирается делать. Если еще и маг серьезный...

И тут оказалось, что серьезный. У него в руках почти мгновенно образовались два мутно-прозрачных красных шара. Один, поменьше, влетел в помещение, где находился механизм опускания решетки. Из окна с грохотом вырвался огонь, словно сработал выстрел «Шмеля»¹². Решетка дернулась вниз и замерла. Ясно, механизм опускания сло-

¹¹ *Ниндзя* – разведчик, диверсант и наёмный убийца в средневековой Японии.

¹² «*Шмель*» – реактивный пехотный огнемет.

ман.

Второй шар ударил в ворота, прогремел взрыв, от которого они просто распахнулись.

Черт, да он с этой позиции один всю баронскую дружину положит. Остальные диверсанты и не потребуются.

Между нами метров пять. Пока у него все внимание на ворота, у меня есть шанс. Все-таки быстро стрелять из лука я научился, а лук под рукой. Только не вышло ничего. Как уж маг успел увидеть и среагировать, я даже не представляю, но он выставил навстречу стреле руку, и она сгорела. А я ведь уже вслед за стрелой бросился и уклониться не успевал.

Но то ли маг выдохся, то ли растерялся, но я до него добрался, схватил за одежду, а дальше услышал натуральный девчоночий визг. Но кулак-то мне уже было не остановить, и прилетело ему (или все же ей?) по репе со всей пролетарской ненавистью. Так, что с крыши сбросило. В левой руке только шапка осталась. Подбежал к крыше – нет никого, видимо даже не нокдаун – успела убежать, стерва.

И искать ее некогда – надо своих поддержать. Но внутри по большому счету и без меня управились – де Брамовых людей уже добивали. Зато я, как в тире, смог расстрелять тех, кто снаружи побежал в замок. Шесть человек, как с куста. Остальные не сунулись.

Наши потери – один дружинник убит, четверо ранено, в том числе двое тяжело, но надежда на выздоровление есть. Убитый – как раз с поста у подъемника решетки. Сгорел за-

живо.

В общем, у нас виктория. Но что с юной магинеё? Поиски по горячим следам ничего не дали. Собаки довели до конюшни, а там след потеряли. Куда она делась – так и осталось неизвестным. Утром поиски повторили, но с тем же грустным результатом.

Зато экстренные допросы раненых врагов прояснили картину. Говоря современным языком, диверсионный отряд из специально обученных полицейских Монпелье под командованием неизвестного дворянина, к которому подчиненные обращались «господин лейтенант», напала на поместье де Берга, взяла в заложники его семью и заставила провести в наш замок боевую группу с задачей открыть ворота для основного отряда. Шевалье сказали, что цель – получение выкупа, но на самом деле диверсантам был отдан четкий приказ – вырезать в замке всех и ждать дальнейших распоряжений.

Мальчишка-слуга присоединился к отряду перед самым замком, его даже специально ждали. К сожалению, командир боевой группы в ночном бою был убит, так что на этом информация о моем противнике обрывалась.

Таким образом, в результате ночного боя шестеро нападавших были убиты, в том числе двое мною. Девять ранены, в том числе шестеро – тяжело. Пятнадцать человек, в том числе «лейтенант», ушли. Кстати, убил я впервые за обе жизни. И не мазал при этом, как мне кажется, только потому, что воспринимал противников как мишени в тире или

зверей на охоте. Уже потом, когда увидел трупы вблизи, мне стало плохо, но к тому времени дело было сделано.

Де Брама взяли под охрану, только говорить с ним было бесполезно. Немного протрезвевший шевалье выл и катался по полу своей комнаты. Ничего не говорил – только выл. С трудом удалось понять, что его жена и дочери захвачены и диверсантов он привел, пытаясь спасти их жизни.

Так что ответы на все вопросы надо было искать в Бrame.

Глава V

Ночью я не смог уснуть. Набегало кратковременное забытьё, но потом мысли упрямо, вновь и вновь возвращались к прошедшим событиям. Как в надоедливом кино, раз за разом вспыхивал огонь в окне поста над воротами и страшно, по-звериному кричал сгоравший заживо человек. Снова бежали люди, и снова я стрелял, только теперь уже понимая, что убиваю. И надоедливые мысли, от которых невозможно избавиться. Все ли было сделано верно? А если бы я поступил так? А если по-другому?

Схватка на крыше прокрутилась в голове раз сто и не для анализа, просто не мог переключиться на что-то другое. Так бывает после стресса, тем более когда дело не закончено. Это даже привычно, но от этого не легче.

И девчонка – кто она? Откуда этот наряд? Заκος под ниндзя у средневековой барышни – бред зеленой лошади, если бы сам не видел. А оставшаяся у меня в руках шапка? Даже не шапка, а черная маска с прорезью для глаз, но как сделанная! Аккуратно обметанные края, окантовки тоже черные, но другого тона, даже вокруг головы черная атласная лента пришита, на манер самурайской повязки! Эдакий гламурный диверсант, в смысле диверсанта.

Кроме этого, «лейтенант»... Я ведь точно его видел, даже попал... По крайней мере один из раненных смог вытащить

из себя стрелу за древко, что вообще-то невозможно – в этом случае наконечник остается в теле. Но здесь сработала магия, я свечение ясно видел. А дворянин в отряде был один, пленные об этом в один голос сказали.

Рассвет я встретил как избавление от этой пытки бессонницей. Можно было заняться делом и первое – узнать хоть что-то об этой последовательнице древних японских спецназовцев. Однако, если в этом мире Япония похожа на нашу, то сейчас их кланы могут существовать. Но все равно, слишком все было... театрально, что ли, не было присущей синоби¹³ простоты и функциональности. Зачем было изображать киношного мальчишку-слугу, столь отличающегося от слуг реальных? Можно было сделать проще и достовернее? Запросто. Тогда зачем театр?

На оставленной мне на память маске обнаружил несколько волосков – спасибо и на этом. Анализ ДНК я, конечно, не проведу, но рассмотреть их в микроскоп можно. Здесь этот прибор уже изобрели, и барон даже подарил его супруге, как милую игрушку.

Так вот, волосы незнакомки были длиной сантиметров пятьдесят, черные, но у самых корней – белые. То ли седые, то ли наша гостья блондинка. Старушка отпадает сразу – они так не двигаются, а, главное, так не визжат. У меня же тогда уши заложило. Да и еще, какая женщина в этом мире может колдовать? Только дочь Хранителя! И вот тут становится со-

¹³ *Синоби* – другое название ниндзя.

всем не до шуток, так что о своих догадках надо молчать как рыба об лед. Во избежание.

Кстати, стрела, которую лейтенант из себя вынул... Я ее нашел – валялась около стены. Почему она? А только на ее наконечнике засохла кровь. Вспомнил прошлое, нашел сажу и мягкую кисточку, попытался выявить отпечатки пальцев – без толку, не было ничего. Но стрелу сохранил. Так, на всякий случай, в силу привычки. Нашел для нее футляр, в нем и оставил – вдруг пригодится.

Утром отряд в двадцать человек под командой протрезвевшего барона выехал в Брам. Шевалье ехал с нами. Бледный, с синяками вокруг глаз, за ночь поседевший и постаревший лет на двадцать. Добрались засветло. Дорога вышла из поворота, и нашим взорам открылся частокол вокруг деревни, открытые ворота, надвратная балка, а на ней висят четыре женщины. Мать и три дочери. И все жители деревни убиты. Мечами и кинжалами. Трое грудных младенцев брошены в дорожную грязь, как использованные тряпки. Сопротивляться не пробовал никто. Даже не пытались бежать, даже не защищали детей.

Мертвые лежали – в лужах застывшей крови в домах, на улицах и в огородах. Мужчины, женщины, старики, дети. На лицах застыли страх, ужас, боль. Те, кто еще два дня назад смеялся, радовался жизни, строил планы на будущее – все были убиты хладнокровными, не знающими жалости и сострадания профессионалами. Судя по состоянию тел, все бы-

ли убиты полтора-два дня назад, то есть сразу после того, как де Брам с диверсантами выехали в Безье. Значит, они были приговорены еще на стадии планирования операции.

Я многое видел в той жизни, меня трупам не удивишь. Но я ходил, смотрел и запоминал. И впервые клялся отомстить. Я знаю, что месть греховна, что собрался мстить – готовь две могилы. Все знаю, но такие люди не должны жить. Это не теологический спор, не горячка религиозного экстаза, которая охватила Париж в Варфоломеевскую ночь. Не средневековая жестокость, кровью объединявшая страны и народы. Это хладнокровное убийство для запугивания. Не смейте с нами спорить, не смейте нам противиться. Покоритесь, как овцы на бойне, – может быть, мы убьем вас не сейчас.

И грабили. Взрослых вначале пытали, видимо, чтобы выжали все ценное, только потом убивали. Я видел вырванные ногти, страшные ожоги.

И это сделали полицейские. Те, кто по самой сути своего дела должен защищать, очищать мир от такой мрази.

С этого момента у меня появилась цель. Ответить должны не только исполнители. Ответить должен организатор, тот, кто отдал приказ. Пусть не сейчас, ничего, я умею не спешить.

А шевалье де Браму повезло – он сошел с ума. Тихо слез с лошади, тихо сел на травку и стал тихо хихикать.

– Люси, дочки, пойдемте в лес за ягодами! Ну что же вы, скорее! Я знаю прекрасные места! Там такие вкусные ягоды!

Потом вскочил и побежал в поле.

– Догоняйте! А вот и не догоните! Люси, дочери, смотрите, здесь так красиво!

Пришлось связать.

Бедная баронесса, как ей это пережить.

Бедный барон – как он будет ей об этом рассказывать.

Ненавижу! Сколь раз увижу – столь раз убью. Господи! Сколь раз увижу – столь раз убью. Дай мне силы!

Сразу отправили дружинника к ближайшей церкви за священником. С утра отпевали и хоронили крестьян, всех сто двадцать семь человек. Тела де Брамов взяли с собой, де Безье решил похоронить их в семейном склепе.

По прибытии в замок барон пошел к жене один. Вышел примерно через час, позвал меня. Боже, что с женщинами делает горе... Еще вчера передо мной стояла гордая красавица, иронизировавшая даже осознавая опасность. Это я уже ночью выяснил, когда бой кончился. Она даже спать не ложилась и дочерей уложила одетыми – каждую минуту была готова к побегу.

А сейчас лежала на кровати и молилась. И была в ее взгляде такая тоска беспросветная... Сели мы с бароном около кровати, взяли ее за руки, да так и просидели до вечера. Потом меняться стали, как в карауле, – каждые четыре часа. Днем приходили сестры, Гастон, все пытались ее разговорить. Только на третий день баронесса поела.

А на четвертый в Безье прибыл личный адъютант графа

тулузского со свитой для проведения расследования. Барон, оказывается, сообщение в Тулузу направил прямо из Брама. Уважаю – как бы тяжело ни было, а свои обязанности он исполнял безукоризненно.

Однако теперь он, как вассал, полностью обеспечивал следствие, а все заботы о баронессе легли на мои плечи.

Я рассказывал сказки, хвастался успехами Гастона, расхваливал дочерей, ругался на распустившуюся без ее присмотра прислугу (попробовали бы они распуститься из-за болезни госпожи). Я кормил ее с ложки, как ребенка, и подавал вино, кстати, великолепный антидепрессант, если бы привыкания не вызывало, водил на горшок – благо этикет этому не препятствовал. Только через неделю баронесса смогла самостоятельно встать с кровати и подойти к окну. В этот день я впервые перепоручил ее слугам, а сам завалился спать и проспал сутки.

Высокая комиссия проработала у нас десять дней и уехала, забрав с собой пленников. Дальнейшей их судьбы я не знаю, как и итогов расследования. Однако, судя по отсутствию какой-либо официальной реакции, ничего нового они не рассказали. Простые исполнители, что им известно?

В результате всех этих событий в наших отношениях с бароном произошли серьезные перемены. Де Безье перестал тыкать и называть меня полковником. Только барон, правда, без господина, и только на вы. Поверьте, это дорогого стоило, если феодал с дворянской родословной в полтыщщи лет

признал меня ровней.

И вот в конце июля состоялся судьбоносный разговор.

– Барон, – это он мне, – нам надо поговорить.

– К вашим услугам.

– Два вопроса. Первое – происшедшее в Бrame не должно остаться безнаказанным. Поможете?

– Конечно. Я не ясновидящий, чтобы найти мерзавцев, нужна удача, но все, что в моих силах, – сделаю. Обещаю.

– Вы правильно сказали – только найти. При всем уважении – это дело не ваше. Я должен отомстить лично. И второе. Вам уже шестнадцать лет, ну... в смысле... вы меня понимаете.

– Разумеется.

– В ближайшие дни ваши ровесники со всей Галлии придут в Клиссон для поступления в Бретонскую академию.

Есть здесь такая Военная академия Бретони, куда вся дворянская молодежь поступить мечтает. Причем ведь не единственное военное училище в Галлии, а народ именно в него уперся.

Естественно, не все приходят сдавать экзамены, герцогам, например, в казармах жить не по чину. Но остальные... Вот и наводняют шестнадцатилетние дворяне каждый август небольшой бретонский городишко Клиссон, потом разъезжаются по домам. Конкурс бешеный, а пытаться поступить в эту академию второй раз не принято.

Потому и надлежит мне по достижении шестнадцатиле-

тия поддержать традицию – поучаствовать в этом искусственном отборе.

– Знаю, но у меня-то заведомо нет шансов – из всей магии мне доступно только бросание камнями и зажигание костров. Правда, камни я бросаю далеко и метко, а зажечь могу все, что хоть как-то может гореть, но на этом, извините, все.

Другие требования меня действительно не волновали – на коне держался уверенно, железками тыкать научился, языком владел, математику знал – а чего ее знать, если она здесь на уровне начальной алгебры и эвклидовой геометрии. Я же МИФИ закончил, прежде чем погоны надеть.

Теологией занимался упорно, в отличие от большинства местных; классику художественной литературы скрепя сердце освоил – средневековых авторов всегда терпеть не мог. Так что в принципе мог бы и поступить, но магия... Для местных дворян она естественна, как умение говорить, которому вроде никто не учит – само приходит. Потом можно бесконечно совершенствоваться, учить иностранные языки, но если в свое время не научился – все. Это только у Киплинга Маугли остался человеком, а в реальной жизни дети, воспитанные животными, нормально общаться так и не смогли, причем независимо от врожденных способностей. И я полноценно колдовать не смогу, хотя все моим магическим потенциалом восхищаются – такие броски и такой огонь, как говорят, действительно уникальны, а толку-то.

– Барон, вы не правы, – это опять де Безье, – поступает все

равно один из двадцати, здесь смысл в другом. Две недели вы будете находиться среди своих сверстников со всех уголков страны, представителей знатнейших семейств. Это время для завязывания знакомств и приобретения авторитета, возможно даже славы. В мою бытность в Клиссоне шевалье Ануаж, нищий захолаустный дворянчик, убил на дуэли сразу трех человек – противника и обоих секундантов, в том числе и своего, тем самым обратив на себя внимание самого короля. В академию не поступил, но был принят при дворе и сейчас возглавляет первую роту королевских гвардейцев – а это одна из влиятельнейших придворных должностей, на уровне первого камер-юнкера, следящего за состоянием королевской спальни.

– Только состоянием? – иронично уточнил я.

– Не только! И вообще, барон, я не слышу в вашем голосе должного почтения! За такой тон и такие вопросы, заданные на людях, без головы можете остаться не только вы, но и ваша семья.

– Извините, учту. И все-таки я не чувствую в себе призвания придворного. Хотя и на самом деле до сих пор не представляю, чем могу здесь заняться. А ведь вопрос о наследовании нами до сих пор не решен.

– Ничего, не горит. Сейчас не это важно. Сейчас главное – ваше вхождение в дворянское сообщество. Вхождение, достойное славного рода, который вы имеете честь представлять. И я не собираюсь пускать это дело на самотек. Тем бо-

лее что когда-то я служил лейтенантом в полку нынешнего начальника Академии – знатного рубаки и мудрого командира. Вы едете в Клиссон, и это не обсуждается. Я уже внес залог за ваше обучение. Запомните, поколения моих предков поддерживали честь рода, которая незапятнанной должна достаться потомкам, и сейчас она в ваших руках. Будьте верны короне, подчиняйтесь старшим, не позволяйте командовать собой всем остальным. Ни в коем случае не уклоняйтесь от дуэлей, ибо приобрести репутацию труса легко, а избавиться от нее трудно, почти невозможно.

Честно говоря, на этом я перестал слушать, хотя и продолжил почтительно кивать. Вы наставления отца д'Артаньяну помните? Ну так вот, один-в-один. Надеюсь только, коня непонятной масти он мне не всучит. Все-таки семья богатая, приехать старшему сыну де Безье в Клиссон на сивом мерине и с восемью экю в кошельке – не комильфо. Тут уж злые языки по чести рода пройдутся – никакими дуэлями не заткнешь. Так что на этот счет можно быть спокойным.

Важно было другое. Недавние трагические события показали, что Безье в любой момент может оказаться под ударом, и требовалось обеспечить надежный канал связи. Чем я смогу помочь – другой вопрос, но иметь в случае осады лишнего бойца за спинами осаждающих всегда хорошо.

Конечно, скорость доставки почты здесь определяется скоростью коня, но это лучше, чем ничего. Лишь бы почта была надежной. А реформисты наглядно показали, что

тактикой диверсионных групп владеют и организовать перехват корреспонденции вполне в состоянии. Поэтому договорились, что в случае нападения помимо барона мне напишет староста одной из деревень нашего феода – человек грамотный, обязательный и непьющий, по местным меркам, конечно.

Затем начался процесс сборов, затянувшийся на несколько дней. Хотя, казалось бы, народ здесь мобильный, на коне много вещей не увезешь, а вот поди ж ты. Больше всех хлопотала баронесса. К ней, по-моему, таким образом жизнь возвращалась.

Лучше взять с собой вот этот костюм, нет – этот, нет – вот тот. Ой, теплые носочки не забыть и теплое белье, ага, в разгар лета на территории Франции просто необходимо – иначе замерзну, вымру, как мамонт в Якутии. Но ведь не скажешь, приходилось благодарить за заботу, соглашаться, а потом тихонечко выкладывать из багажа.

А покушать взять в дорогу?! Да дай ей волю – она бы телегу со мной отправила с продуктами, вещами, поваром и командой прислуги, чтобы ребенку было удобно. Нет, честно, пыталась уговорить мужа лично отвезти меня в Клиссон в карете. Вот бы набор местных легенд пополнился – прибытие кандидата на поступление в военную академию в карете, с папой и штатом слуг. Долго бы потом народ в тавернах потешался.

Но любые сборы рано или поздно кончаются, и первого

августа 1617 года от Рождества Спасителя я выехал из замка Безье покорять мир. Со мной была заводная лошадь, нагруженная небольшой поклажей, и конный слуга – один из отобранных мной и Гастоном мальчишек. Как и все они, был он надежен, смышлен, ловок, обучен грамоте, конной езде и азам фехтования. Но у этого четырнадцатилетнего пацана было огромное преимущество перед товарищами – его звали Планше. Ну вот как я мог отказать себе в удовольствии иметь слугой тезку знаменитого слуги д'Артаньяна?

В отличие от проводов знаменитого гасконца, наше прощание проходило безо всяких слез, потому что, во-первых, я уезжал не навсегда, а во-вторых, все, кроме меня и барона, были убеждены в моем великом будущем. А раз человек едет получить уже готовые для него славу и деньги – чего грустить?

Одет я был в недорогой дорожный костюм серо-коричневых тонов, короткие ботфорты и серую шляпу. На боку рапира, к седлу приторочен сверток с двумя саблями.

К лошади Планше прикрепили два баула с дорожными плащами, запасным бельем и одеждой на выход. Опасаясь не угадать тенденции парижской моды, я выбрал черную шляпу с красным страусовым пером, скромный черный костюм, правда из дорогой ткани и с роскошными кружевными воротником и манжетами, зато пояс и перевязь были украшены богатой серебряной вышивкой – состояние семьи надо демонстрировать.

В дорогу барон выделил мне аж тысячу экю, а это около четырех килограммов золота – мечта карманника. Поэтому девятьсот экю были положены в галлийский военный банк. Потом в Клиссоне предъявлю вексель в местное отделение банка и смогу пользоваться деньгами. Очень удобно и надежно – подделать или отобрать вексель нельзя – магия, однако.

Оставшиеся сто экю я предусмотрительно спрятал за пазуху. Вообще-то их носили в кошелье, прикрепленном к поясу, но образ провинциала из французских фильмов, бессмысленно охлопывающего себя после встречи с городскими воришками, прочно сидел в моей памяти.

Вот в таком виде рано утром мы и покинули стены ставшего для меня родным замка Безье.

Письмо, которого Жан не читал

«Дорогой друг!

Как мы и договаривались, наш общий знакомый первого августа покинул замок Безье и направился в Клиссон. Должен отметить, что за это время он показал себя наблюдательным человеком и решительным командиром. Вся наша семья до сих пор жива только благодаря ему, но подробности я расскажу при личной встрече, поверь, доверять их бумаге не следует.

Тем более что пишу я по другому поводу.

За время нашего знакомства этот человек стал неплохим

наездником, уверенно может управлять любой, самой сноровистой лошадью, хотя чемпионом в скачках ему не быть.

Прекрасно владеет каталонской рапирой и саблей, в то же время боевую шпагу использует лишь для уколов.

Прекрасно знает математику. Я в ней не силен, но наш учитель, по-моему, уже давно сам берет у него уроки.

Крепок в вере, за это время без важной причины не пропустил ни одной службы. Отец Гюстав от него в полнейшем восторге – лучшего ученика по теологии у него никогда не было – и внимательный, и трудолюбивый, и думающий – никогда не знал, что в этом деле думать надо! В то же время разговоры о принятии сана пресекает на корню – говорит, что слишком женщин любит. А сам за это время ни с одной – представляешь? Вот как это в нем сочетается?

Романы читает, но явно без удовольствия, только чтобы при случае разговор поддержать.

Зато рассказчик знатный. Какие истории он дочерям рассказывает, да что дочерям – баронесса их слушать ходит, и, пока дочери не заснут, я о своей жене только мечтать могу!

А недавно спел мне песню – я такого в жизни не слышал! Это же про нас, про рыцарей! Он, правда, сказал, что это придумали, ну ты знаешь где, а он только перевел, но мне-то что с того! К сожалению, я слов не запомнил, а второй раз он отказался петь – сказал, что перевод надо сделать лучше.

Определенно имеет опыт и знания в хозяйских делах. Избил моего управляющего за воровство, а потом предложил

ему какие-то счетоводческие новшества, так этот битый злыдень на нашего друга теперь молиться готов!

И главное – о магии. Сила у него колоссальная, а все без толку. Умеет лишь камни бросать да огонь зажигать. Правда бросает и зажигает так, как никто не может, но дальше не продвинулся и, я думаю, уже и не продвинется. Ни одного самого простейшего заклятия у него не получается.

Вот, пожалуй, и все о нем. Надеюсь, это письмо поможет тебе в реализации наших договоренностей.

С пожеланиями здоровья, богатства и удачи, твой преданный друг барон де Безье».

Разговор, которого Жан не слышал

– Рад видеть вас, лейтенант. Наслышан о ваших подвигах. О славных победах при Безье и Бrame судачат во всех тавернах Монпелье, и я даже боюсь себе представить, что о них говорят в Тулузе и Париже. Вся армия и флот Эдмонда, весь клир ортодоксов не в состоянии навредить нашему делу больше, чем умудрились вы. Мы пригласили вас как лучшего специалиста, заплатили колоссальные деньги.

Вы имели все – средства, информацию. Мы снабдили вас такой магической поддержкой, какая есть только у королей. И что же мы получили в результате?

Часть ваших людей погибла, а ведь они не ангелы бесплотные, у них здесь остались родственники и друзья, при гра-

мотном розыске их можно найти. А если с ними смогли провести посмертный допрос?

Более того, несколько ваших людей оказались в плену! Через несколько дней они будут в Париже и расскажут Высокому суду все, что им известно о нашей роли в этом деле. Как от этого отмыться прикажете? Да с такими козырями на нас можно будет поднять всю Галлию, а сколько наших же братьев отвернется от нашего дела!

А всего-то нужно было – очистить от скверны одну деревушку без охраны и один замок, возглавляемый никогда не воевавшим лопухом и охраняемый никогда не служившими в армии ротозеями!

– Ваше преосвященство, должен заметить, что мы сделали все, что было предусмотрено планом. Абсолютно все. Даже взломали ворота замка. Но нас там ждали! Наши люди напоролись на засаду! Наши воины, в компетенции которых вы не раз могли убедиться, были порублены, как овцы на бойне! Откуда в замке такие бойцы? Численное преимущество местных олухов действительно не могло иметь решающего значения, к тому же атака должна была стать внезапной, именно на этом, как вам известно, строился весь план. А стрелы, которыми были сражены шестеро моих людей! Боже, в наше время и стрелы – кто сейчас о них помнит? Нет, клянусь вам, нас не просто ждали. В замке были люди, специально обученные противодействовать нашей тактике. Ищите скверну здесь, монсеньор. Ищите, кто сообщил ортодоксам

о нашем рейде!

– Где сейчас ваши люди?

– Находятся в расположении отряда, контактов ни с кем, кроме меня, не имеют. И еще, не волнуйтесь по поводу допросов моих людей. Пленники умрут буквально через два часа, я об этом позаботился, обеспечив их необходимыми заклятиями. Как вы знаете, провести посмертный допрос можно только в течение часа после смерти. А в замке присутствует только один маг – это сам де Безье. Но он не владеет этой техникой. Его сыновья просто щенки, которые может быть когда-нибудь станут магами, если у них хватит ума и терпения для учебы. Кстати, вы ведь тоже пытались привлечь на свою сторону старшего сына барона. Как видите, монсеньор, у всех бывают неудачи.

Зря лейтенант вспомнил о попытке завлечь Жана Огюста де Безье в стан реформистов, а после неудачи – убить его. Именно это определило окончание разговора.

– Что же, ступайте, лейтенант, я сообщу вам о своем решении. Эй, секретарь, письменные принадлежности мне!

А вот последнее предложение было сигналом. Монсеньор Руади, верховный пастырь реформистской церкви в Монпелье, был очень ранимым человеком. Не мог видеть людских страданий, не терпел вида крови. Он с величайшим трудом заставлял себя присутствовать на казнях, свершавшихся по его приговорам, и если можно было не смотреть на смерть – всегда пользовался такой возможностью. Сигнал означал,

что неудачливого лейтенанта надлежит зарезать за уже закрытыми дверьми. Кстати, как его звали? А, неважно. Кто помнит неудачников?

А вошедшему секретарю было сказано следующее.

– Он был идиотом. Если бы ортодоксы знали о нашем плане, они перехватили бы отряд перед Брамом. Хотя, если им сообщили только о конечной цели... Приказываю провести полную проверку всех, кто мог иметь хоть какое-то отношение к операции. При малейшем подозрении – отправлять в нашу башню, пусть палачи порезвятся. Подчеркиваю – всех и при малейшем подозрении.

Далее, всех вернувшихся из рейда объединить еще с двумя десятками солдат в отряд и направить в пограничные горы для сторожевой службы. Главное, чтобы до завтрашнего вечера весь отряд погиб. Семьи сегодня же должны отправиться в монастырь молиться за их упокой. Ничего, что молитва начнется раньше смерти, я лично этот грех замолю. Зато никто не свяжет происшедшее в Бrame и Безье с пропавшим отрядом.

А этот лейтенант задал правильный вопрос – почему до сих пор жив старший сын де Безье?

– Ваше преосвященство, как вы знаете, два года назад мы пытались его устранить, и он должен был умереть еще тогда. Но в последний момент к барону приехал личный врач королевы-матери и умудрился его спасти, хотя всегда считалось, что от заклятия ласточки нет спасения. А с тех пор он ведет

себя крайне осторожно, никогда не покидает замок без охраны. Тем не менее, если будет ваша воля, мы можем решить вопрос в любой момент, но вот только сделать это скрытно никак не получится.

– Ладно, пусть пока живет. Да, и все-таки, Жабер, примите меры, выясните, черт побери, что же произошло в Безье! Из-за всей этой истории наши планы заморожены лет на пять, а это очень плохо!

О судьбе лейтенанта монсеньор даже не спросил – его приказы всегда выполнялись точно и в срок.

Глава VI

Кратчайший путь в Клиссон пролегал через небольшой город Кастр. Однако барон в категоричной форме запретил даже думать об этом маршруте. И неважно, что другая дорога длиннее на тридцать километров, главное – Каркассон, основной город на этом пути, оплот истинной веры. А вот Кастр, как и Монпелье, принадлежит реформистам, и нечего лишний раз искушать судьбу и волновать баронессу.

Как обычно, барон был прав. Я тоже не искатель дорожных приключений, звон стали и грохот выстрелов меня ни разу не привлекают, поэтому мы с Планше и поехали этой длинной, но спокойной, как нам казалось, дорогой.

И действительно, первое время все шло прекрасно. Яркое солнце, воздух, наполненный ароматами южных лесов и моря, красивейшая природа – все в пути навевало мысли мирные и светлые, будущее рисовалось безоблачным, как небо над нами. Даже клопы в сельской таверне, где мы остановились на ночь, воспринимались как противная, но мелкая неприятность.

На второй день на подъезде к Нарбонну нас нагнал молодой дворянин, следовавший в Тулузу. Шевалье де Трелан умудрялся быть модником даже в простой дорожной одежде. Сergy с огромной жемчужиной в правом ухе и небольшая косичка у левого виска говорили без слов – этот человек не

может иметь с реформистами ничего общего.

Де Трелан предложил продолжить путь вместе – так и безопаснее и веселее. Заночевали в Нарбонне, а вторую ночевку запланировали в деревушке Фонкуверт и всю дорогу весело болтали что называется «за жизнь». Точнее, говорил в основном де Трелан. В свои двадцать лет он умудрился объездить половину Галлии, побывать и в Островной империи и в Савойском герцогстве, а наблюдательность и искрометное остроумие делали его блестящим рассказчиком. За полтора дня, которые мы потратили на дорогу до Фонкуверта, я узнал столько интересного об этом мире...

В Фонкуверт приехали достаточно рано и расположились в гостинице при деревенской таверне. Планше, совершенно помешанный на женщинах, немедленно убежал ухаживать за кокетливой служанкой, а мы де Треланом, как и подобает степенным дворянам, спустились поужинать.

– Барон, вы счастливчик! – начал разговор шевалье. – Через несколько дней вы будете в Клиссоне, когда-то поступление в Академию Бретони было моей заветной мечтой. Предлагаю выпить за вашу удачу!

Вино оказалось на редкость приятным для деревенского трактира, так что де Трелан немедленно вновь наполнил бокалы и приготовился говорить следующий тост, однако я его опередил.

– Шевалье, расскажите, как проходили экзамены, поделитесь опытом.

– А никак не проходили. У отца не было денег на залог, так что пришлось обойтись без образования – только опыт службы. Но почему мы не пьем?! Давайте выпьем за дорогу! За эту благословенную дорогу до Тулузы, которую мы пройдем вместе. Пусть она будет легкой и спокойной! – И он так залихватски выпил – практически одним глотком, красиво взмахнув опустошенным бокалом, что не поддержать его было невозможно.

Однако за полтора дня нашего знакомства я не отметил какого-либо пристрастия де Трелана к алкоголю. Когда мы остановились на предыдущую ночевку, он выпил только бокал сильно разбавленного вина. А сейчас вроде как собирается надраться, причем явно подталкивает к этому и меня. А много ли надо шестнадцатилетнему мальчишке? Странно. Попробуем подыграть – добавим в голос пьяной дури.

– Это несправедливо! Дружище, такие люди, как вы, должны командовать! Я вижу в вас талант командира, такие люди нужны Галлии! Вы ведь уже служили, я прав?

– Почти, барон. Я действительно служил, но не королю. Давайте выпьем еще, и я расскажу о своей службе – без этого рассказ не получится.

Конечно, пили мы под хорошую закуску, но третий бокал подряд мог запросто свалить меня под стол, так что отказ выглядел вполне естественно, вроде как я уже пьян. Собеседник, что характерно, тоже пить не стал – значит, собственное опьянение в его планы не входит. Такое вот алкогольное

фехтование получилось.

– Что, больше не можете? Эх, молодость, не тот нынче курсант пошел. Хотя вы еще не курсант, вам простительно.

– Шев-валье, в-вы грозились рас-кзать...

– Ах да! Я действительно служил, только в дружине Монпелье.

– Не в-верю, – я пьяным жестом указал на его серьгу, – с таким украшением и у реформистов – не верю!

– А вы наблюдательны, мой юный друг. Правильно, серьгу я надел только два дня назад, вон, даже опухоль на ухе еще не спала. Тогда же и косичку заплел.

– А почему? Контракт кончился? Не могли же реформисты выгнать такого орла! – я с улыбкой идиота уставился на него.

– Я сам уволился, и, вы можете не верить, но из-за вас.

– Из-за меня? А что я сделал?

– Лично вы – ничего, но эти скоты организовали нападение на Безье и Брам. После этого я отказался служить под их знаменем!

– Сволочи! – я со всей силы грохнул кулаком по столу. – Шевалье, я был там, я видел. Скажите, кто и зачем это сделал, и я навеки буду вашим самым преданным другом! Умоляю, скажите!

– К сожалению, имен я не знаю. В Монпелье всем заправляет глава церкви преподобный Руади. Он набрал себе личный отряд, причем не из военных, а из полицейских, ко-

торый использовал для каких-то темных дел. Ходили слухи, что эти мерзавцы убивали его врагов, грабили их дома... Представляете полицейских, которые грабят и убивают? Они, конечно, все мразь, но не настолько же! И вот достойный финал их службы – весь Монпелье знает о кровавой резне в Бrame и нападении на ваш замок! Я не желаю служить убийцам детей, я уволился! И знаете, как со мной рассчитались за год безупречной службы? Кинжалом в спину! Слава богу, что не попали в сердце и что я умею зализывать свои раны, но поверьте, эта рана болит до сих пор и будет болеть еще долго. Тот самоубийца знал, как бить.

– П-почему самоубийца? Он же вас...

– Как раз поэтому. Только самоубийца может напасть на меня с кинжалом! Впрочем, я, кажется, хвастаюсь, а это недостойно дворянина.

– Но где этот отряд сейчас, как его найти?

– Некого уже искать. Отряд в полном составе погиб где-то в Пиренеях. Это, конечно, по слухам, но вот точно – все их семьи в полном составе выехали в реформистский монастырь. Причем под конвоем – я эту картину сам видел. Так что из всех виновных сейчас жив только главный – монсеньор Руади. И еще, лично для вас. Однажды я дежурил в приемной Руади и случайно услышал разговор двух посетителей. Они говорили, что два года назад к вам, по приказу преподобного, было применено заклятие ласточки. Знаете, что это такое?

– Не знаю. Или не помню, но Руади все равно г-гад!

Я по-прежнему изображал пьяного придурка, а сам пытался составить словесный портрет собеседника. И ничего у меня не получалось. Рост – средний, телосложение – спортивное, волосы – русые, глаза... Вот только глаза... они серые, но правый немного темнее... нет, показалось, просто игра света. Особенности речи? Сам не настолько владею галльским... Да, искать шевалье можно долго – никаких ярких примет. Снимет серьгу, распустит косичку и все – абсолютно непримечательная внешность, идеальный шпион. Конечно, грамотный словесный портрет всегда индивидуален, но вот не помню я, как он составляется, забыл...

– Барон, я настаиваю, чтобы мы выпили за скорую смерть этого Руади, убитые в Бrame должны быть отомщены!

– Согласен! Ой, извините, мой друг, но мне надо выйти. И срочно...

Ну конечно надо! Надо отдать приказ Планше, чтобы был наготове – после этого разговора необходимость в побеге может возникнуть в любую минуту. И расслабляться до Тулузы нельзя – не случайно мы встретились, искал меня де Трелан, точно искал, а зачем – потом подумаю, когда протрезвею.

Планше облом своих амурных планов воспринял стоически, сразу перешел в обеденный зал и расположился в уголке ждать распоряжений, заодно заказал поесть и выпить. А я вернулся к шевалье и только сел за стол, как в зал вошли пятеро вооруженных мужчин, одетых во все черное, как при-

нято у реформистов. Они остановились около нас и достали рапиры. Один из них обратился к де Трелану:

— Ну что, добегался... — а договорить не смог — шевалье, который как раз кинжалом разделявал каплуна, невероятно быстрым и точным движением перерезал ему горло. Дальше началась драка. Не киношная, с красивыми выпадами и элегантными стойками, а реальная — жестокая и рациональная.

Я говорил, что за два года научился неплохо фехтовать? Забудьте! Рядом с де Треланом я никто и звать никак. На него напали сразу трое — и безуспешно. Шевалье двигался быстро и точно, ни одного лишнего движения, ни на мгновение не останавливаясь, противникам ни разу не удалось атаковать его одновременно. Выверенные защиты и уклоны, уколы только в шею и низ живота — места, которые невозможно прикрыть скрытыми латами. Он явно не хотел ранить — только убить.

А я ничем не мог помочь — один из нападавших держал рапиру у моей шеи. Я просто не знал, что делать. Тупо смотрел на бой, надеясь на судьбу, словно баран перед закланием. Как в пылу драки де Трелан умудрился оценить мое положение, не могу понять до сих пор! Но он сумел отскочить в сторону, вложить кинжал в ножны и бросить заклятие. Я заметил, как с левой руки шевалье сорвался маленький красный шарик и ударил в бок моего противника. Не убил, но заставил отвести рапиру в сторону — этого хватило для разрыва дистанции. А дальше Планше сзади запустил кувшин с

вином точно в затылок супостата, и это был нокаут.

– Спасайтесь, барон, здесь я разберусь сам! – прокричал де Трелан, вновь атакуя врагов рапирой и кинжалом. – Вы мне не поможете, только помешаете! Уезжайте немедленно!

И мы с Планше бежали. Неблагодарно? Хуже, мы струсили. По крайней мере, я. Вроде как выполнил приказ, но это лишь отмазка для совести. Себя не обманешь – именно струсил. Способность мыслить здраво вернулась только на выезде из деревни.

– Планше, бери лошадей, спрячься за домами и жди меня. Я вернусь, возьму с собой пару пистолетов.

Да, кем бы ни был де Трелан, но жизнь он мне спас, значит, надо ему помочь, если не поздно.

Оказалось – поздно. На подходе к трактиру я увидел, как шевалье спокойно вышел, сел на коня и уехал. Только не в Тулузу, а назад, в сторону Нарбонна.

Как выяснилось, четверых нападавших он убил, выжил только тот, кого Планше кувшином вырубил. Да, перед отъездом де Трелан рассчитался с трактирщиком не только за себя, но и за нас, и за разбитую посуду и поломанную мебель – прямо рыцарь без страха и упрека. Только вот не все так просто. Однако на серьезный анализ я в тот момент не был способен – сказался возраст и выпитое вино. С грехом пополам вернулся к Планше, мы отъехали подальше от деревни и завалились спать под открытым небом.

Утром голодные, но живые и здоровые, продолжили путе-

шествие. Выпитое накануне уже выветрилось, и я смог спокойно проанализировать вчерашний разговор. Получилось следующее. Если де Трелан после драки поехал назад, значит ни в какую Тулузу он и не собирался. Следовательно, искал встречи именно со мной, чтобы сказать... что? Что все нападавшие погибли и в живых остался только организатор – преподобный Руади? Мстите ему, бароны Безье, и забудьте про остальных? Возможно, так и есть, но тогда почему не рассказать все самому барону? И даже меня де Трелан предварительно напоил. Ответ один – барон и его сын могли увидеть нестыковки, которых не вижу я. Заклятие ласточки – что это? Может, суть в этом? Может, именно из-за него погиб сын барона?

Ладно, опишу де Безье об этом разговоре, пусть проверяет. Но что за личность этот де Трелан? Человек без всяких примет, человек-никто, который дерется как черт. А ведь это уже примета! Много ли найдется искусных фехтовальщиков с настолько невзрачной внешностью? Не знаю, но есть хоть что-то, что можно отложить в памяти.

И эта его фраза «не тот нынче курсант пошел» – наверняка от выпитого проговорился. Во-первых, курсанты только в Академии Клиссона, в остальных военных училищах – кадеты. Во-вторых, откуда ты знаешь, какими они были, если сам даже на экзамены не приезжал? Вот интересный вопрос, но чтобы найти ответ, надо поступить. А ведь я за этим и еду!

Глава VII

Поговорим о Клиссоне в августе.

Я москвич, меня невозможно поразить столпотворением.

Зато можно поразить вонючим столпотворением.

Только представьте – по российским меркам даже не городишко – большое село с населением около тысячи человек. И в него в один момент набивается порядка пятисот дворян, многие со слугами, все на лошадях, которые, как и люди, не только жрут и пьют. Мыться не просто негде – это вроде как даже дико – мы ж не варвары, чтобы в воде плескаться – элита! Нужду справляют прямо на улицах, хорошо, если потом дождь смоет, а дождя-то и нет, зато жара под тридцать есть. И спадать явно не собирается. Постоялые дворы переполнены, скученность неимоверная, все на нервах. Драки постоянные. Убивают редко – на то и рапира, чтобы скорее ранить, но работы врачам хватает. Их сюда короли лично каждый год командируют, для сохранения дворянской породы, так сказать. Врачи-то не простые – маги, они такие раны лечат запросто, если успевают, естественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.